

Институт экспериментальной истории

Владимир Свержин

Все лорды Камелота

«Владимир Свержин»

2002

Свержин В.

Все лорды Камелота / В. Свержин — «Владимир Свержин»,
2002 — (Институт экспериментальной истории)

Перед вами – новое дело «лихой парочки» из Института Экспериментальной Истории – отчаянного Вальдара Камдила и его закадычного друга по прозвищу Лис. Дело о последнем пророчестве Мерлина, от которого до нас дошли лишь три разорванных фрагмента – и от которого зависит судьба современной Британии. В Артуровскую Англию! Туда, где, через месяц после смерти Артура, должны собраться за Круглым Столом ВСЕ ЛОРДЫ КАМЕЛОТА, каждому из коих должно огласить часть пророчества известную лишь ему!

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	14
Глава 3	21
Глава 4	29
Глава 5	36
Глава 6	44
Глава 7	53
Глава 8	61
Конец ознакомительного фрагмента.	69

А ведь есть еще грабли, на которые не ступала нога человека!

Цинцинат

Пролог

Закрой глаза и думай об Англии.

Наставление английских мамаш перед Этим

Дорога к аэропорту Хитроу являла зрелище унылое и однообразное, точно готовя потенциального пассажира к невероятным пейзажам небесных странствий. Впрочем, при дальних перелетах и они вызывают зевоту у истинного англичанина, самым господом сотворенного таким образом, что лишний час сидения на одном месте рождает у него назойливые мысли о несовершенстве мироздания.

Старенький «ровер», дребезжа, катил к воздушным воротам столицы, глотая милю за милей. Я тешил себя надеждой, что за три недели моего отсутствия на берегах Туманного Альбиона механики аэропортовского гаража приведут в порядок лошадиные силы железной колесницы, да и вообще вернут ей высокое звание приличного автомобиля.

Я мчался вперед, согриваемый надеждой через несколько часов встретиться с миссис Эйлин Гловерс, в девичестве Камдейл, моей родной сестрой, которую я не видел уже страшно подумать сколько лет.

Вот позади формальности гаража, впереди билетная стойка с улыбчивой девушкой невиданной в Англии красоты. Должно быть, авиакомпании, соревнуясь за души и кошельки клиентов, экспортируют подобных красоток из мест, более облаканных солнцем, чем суровая Британия.

– Лорд Уолтер Камдейл? – В глазах красотки блеснул неожиданный интерес. Столь неожиданный для представительницы этой профессии, что, будь на моем месте Джеймс Бонд, он бы инстинктивно начал нашаривать «Вальтер Р-99» пяткой правой ноги за левым ухом.

– К вашим услугам, мэ.

– Наша авиакомпания приносит вам свои извинения, милорд, но ваш билет аннулирован.

– То есть как аннулирован?!

– Увы, милорд. О вашем прибытии велено немедленно сообщить администрации аэропорта. Вас ожидает фельдъегерь Королевской службы с чрезвычайным предписанием.

Мои глаза округлились и стали неуловимо похожи на карту полушарий со стертыми очертаниями материков и океанов.

– ...И все же смею вас уверить, что наша авиакомпания всегда будет рада видеть вас пассажиром любого из наших комфортабельных лайнеров...

Благостные предчувствия обманули меня. Увы, увы, сегодня мне было не суждено ступить на борт вышеупомянутого «комфортабельного лайнера», не суждено увидеть сестру и малолетнюю племянницу, а уж что сулило появление фельдъегеря ее величества... Бог его знает, прежде такой чести я никогда не удостоивался. Обратная дорога в Лондон была еще более печальна, чем путь к Хитроу. Разглядывая город через затемненные стекла официального черного «бентли», я невольно ловил себя на мысли, что очень давно не видел столицу в наше время. Все более в эпоху Войны Роз или уж совсем в туманные годы короля Гарольда, когда укрепления на высоком берегу Темзы и городом-то можно было назвать весьма условно. Последний раз мне довелось наблюдать ее сравнительно недавно, при королеве Виктории. Чье имя и носила улица, куда лежал мой путь. Категорическое требование за подписью ее величества предписывало мне явиться в распоряжение граф-маршала Британии герцога Норфолка, ведавшего геральдической службой державы.

«Что за срочность?» – размышлял я, восстанавливая в памяти долгую вереницу вельможных предков и строя самые невероятные догадки, чьим дотеле неведомым заслугам обязан я такому вызову. Но вот впереди замаячило красное кирпичное здание «Колледж оф армз», построенное после великого лондонского пожара, со знаменем над входом, недвусмысленно поясняющим всем, способным понять, что сегодня день дежурства гербового короля Норрея. Нас уже ждали. При виде «бентли» два ботена в геральдических далматиках расторопно открыли резные дубовые двери, и персевант, подчеркнуто аристократичный и более подходящий на роль знатного лорда, чем любой из известных мне носителей старинного титула, едва заметным кивком повелел следовать за ним в резиденцию его высочества герцога Норфолка.

– Добрый день, Уолтер, – приветствовал меня граф-маршал, поднимаясь из-за стола и делая знак садиться напротив. – Как дела?

– Добрый день. Благодарю вас, хорошо, – покривил душой я. – Как, надеюсь, и ваши.

Лет пять тому назад я был представлен его высочеству. С тех пор мы раза три раскланивались в редкие случаи посещения мною заседаний палаты лордов, и это вполне давало основания высокопоставленному собеседнику пренебречь обычными церемониями в приватной беседе. Во всяком случае, обращение по имени, а не официальное «милорд» свидетельствовало именно о таком характере предстоящей беседы.

– Уолтер, дело, о котором я желаю с вами говорить, весьма серьезно и весьма, даже более чем весьма, конфиденциально. Поэтому, прежде чем я введу вас в курс дела, вы должны дать мне слово дворянина, что ни одна живая душа в этом мире не узнает о возложенной на вас миссии.

Черт возьми, не каждый день граф-маршал Британии требует слово чести у одного из дворян королевства, и уж подавно не каждый день этого самого дворянина доставляют с королевским фельдъегерем в Геральдическую коллегию, не оставляя ему ни малейшего выбора. Но уж раз доставляют, значит, есть на то резон! Я поднял вверх правую руку:

– Клянусь!

– Прекрасно, – кивнул герцог Норфолк. – Говорю сразу: я знаю о вашей службе в Институте экспериментальной истории. Также мне известно, что недавно вы вернулись из командировки м-м... – граф-маршал замялся, словно убеждая себя в необходимости произнести следующие слова, – ко двору короля Артура, где были причислены к рыцарям Круглого Стола под именем сэра Торвальда герцога Инистора.

Я молча поклонился.

– Так вот, вам надлежит вернуться обратно.

– Смею узнать – зачем?

– Безусловно. – Норфолк открыл ларец. – Взгляните на эти пергаменты.

– О, – я взял в руки почерневшие от времени кусочки, – написано старинной латиницей?

– Верно.

– Сейчас попробую прочесть. Так... «золотой дракон вонзит клыки в грудь алого». Здесь: «принцесса грез покинет этот мир»... А на этом: «спасение придет». – Я вернул останки древней рукописи Норфолку. – Если предположить, что эти фрагменты одного свитка, то надо признать, что текст довольно бессвязный.

– Вы правы, – вздохнул герцог. – Эти кусочки найдены недавно в библиотеке графов Перси, потомков сэра Персеваля и, судя по найденной там же записке, к сожалению, весьма пострадавшей от времени, являются частью последнего предсказания Мерлина. У нас есть основания считать, что это предсказание касается наших дней.

– Милорд, – я удивленно поднял брови, – я правильно вас понял? При дворе считают, что пророчество Мерлина может иметь реальное значение и в наши дни? Пятнадцать веков отделяют нас от времен Артура!

– Нострадамус тоже не вчера родился и не вчера умер. Уолтер, я, как и вы, могу считать все это ерундой, в лучшем случае – историческим казусом. Но дело в том, что время от времени все эти пророчества попадают в цель. Возможно, именно потому, что они известны тем, кто принимает решение, но тут уж не нам судить. Я уполномочен сообщить вам, что ее величество возложило на вас секретную миссию вернуться в Камелот и позаботиться о том, чтобы текст пророчества был собран и доставлен ко двору в полном виде. Если верить записке, прилагавшейся к прочитанным вами фрагментам, пророчество было записано Мерлином по приказу Артура и разделено им на двенадцать частей. Эти части он раздал своим доверенным рыцарям, названным лордами Камелота. Руководство Института в курсе вашей командировки, хотя и не знакомо с ее истинными целями. Вам предоставляются самые широкие полномочия. Фельдъегерь доставит вас к месту. Помните о соблюдении секретности. Прощайте, милорд, и желаю нам всем удачи.

Глава 1

*Утро добрым не бывает.
Заветы старого филина*

С каменного свода падали редкие капли, вызывая неожиданное эхо в запертом подъемной плитой гроте шлюза камеры перехода.

– Ну, е-прст! – Мой доблестный напарник, державший на поводу коня, попытался увернуться от очередной порции льющей с потолка воды и чувствительно приложился головой о базальтовый выступ. – Ну шо за дела?! Лень им было здесь лампочку повесить?

– Тише, Лис, – прошептал я, поднося палец к губам. – Они подъезжают.

Ровно пять минут назад хитроумная аппаратура обзора местности сообщила нам, что плацдарм для вторжения в мир иной чист, и дала команду отключить бивший из недр холма ключ и впустить нас в шлюз. Мы совсем было уже приготовились вновь стать неотъемлемой частью эпохи короля Артура, как вдруг механический голос все тех же обзорных камер доложил, что десантирование откладывается по техническим, вернее, биологическим причинам – к источнику направляется ряд неопознанных одушевленных объектов.

– Не, ну ты мне скажи, – не унимался Лис, – шо это за средневековая тирания, мать ее за ногу! Ты будишь меня посреди ночи, тащишь сюда, и теперь мы паримся в этом гадючнике с риском для жизни, как будто не могли этого делать в более комфортабельных условиях! Да еще ты, мой верный товарищ, махая крылом, затыкаешь мне рот. В гробу я все это видел! Ща я прорву здешний трубопровод и такое скажу этим неопознанным объектам нечеловеческим голосом, шо они враз отрекутся от старого мира!

– Лис, родной, – пытался урезонить его я, – если ты испортишь трубы, мы утонем, потому что камера перехода все равно не откроется. Погоди немного, сейчас они убедятся, что родник иссяк, и поедут искать другой водопой.

– А если не поедут? – не унимался раздраженный неурочной побудкой Лис. – Если они решат здесь заночевать? Или вообще увидят, какой прекрасный пейзаж открывается с этого чертова холма, и решат построить на нем замок. Прикажешь ждать, пока нас откопают здешние археологи?

Я только вздохнул. Мне было понятно недовольство собрата по оружию, я бы, наверное, сам возмущался не менее, когда б не вбитое с детства правило: ничему не удивляться.

Быть разбуженным среди ночи сообщением, что через час мы отправляемся в мир, из которого не так давно вернулись и где наш уход сопровождался, мягко говоря, фейерверком, прибавить к этому сорванный отпуск – есть от чего впасть в ярость. Конечно, Лис сгущал краски. Приди в голову невесть откуда взявшимся путешественникам идея расположиться надолго, камера перехода дала бы обратный ход, и нам пришлось бы высаживаться в месте, вероятно, более отдаленном от цели. Ну уж тут не приходится выбирать. Остается радоваться, что мир – соседний и довольно хорошо освоенный. Помню случай, когда до ближайшей камеры перехода пришлось тащиться от Балтийского моря аж в Иерусалим.

– Помолчи хоть пять минут? – шепнул я. – Будь так добр.

– Не буду! – мрачно бросил мой верный спутник. – Лучше скажи мне, могучий рыцарь Торвальд Пламенный Меч, шо еще нужно неумному начальству из-под того Круглого Стола? Ночную вазу короля Артура? Волшебные тампоны феи Морганы? В полночь они превращаются в ты-ыкву, – произнес Лис страшным голосом, и эхо, прокатившееся под низкими сводами грота, гулко повторило его слова.

– Тише, сэр Альмет, – донесся до нас едва различимый голос по ту сторону холма. – Вы слышали? Кажется, там, внутри, что-то гудело.

– Я ничего не слышал, сэр Кэй. Но поглядите, родник иссяк! Это недоброе предзнаменование. Клянусь всепронзающим копьем святого Георгия, весьма недоброе.

– Оставь свои страхи, Альмет. Разве ты не знаешь, что этот источник именуется Эльфийским, а стало быть, то, что он иссяк, дурная примета для нехристей, пиктов, голоногих каледонцев со скал Горры да для злобного отродья феи Морганы.

– Не забывайте, сэр, он также сын нашего короля.

– Обман и колдовство, мой юный друг, обман и колдовство. Хотя, дьявол меня подери, в те годы она была чертовски хороша! Ладно, пустое. Поворачиваем коней, надо сообщить королю, что Эльфийский ключ пересох. Проклятие! Это лишних десять миль пути. Н-но! – Сэр Кэй и его спутник, а вероятнее всего, спутники, пришпорили коней.

– Вот видишь, – тихо сказал я, поворачиваясь к Лису, – все в порядке. Сейчас они отъедут подальше, и шлюз откроется.

– Ты, кстати, не ответил мне на вопрос: какого все же рожна мы опять премся ко двору короля Артура? – бросил Лис недовольно, но внутренне уже явно смирясь с неизбежностью предстоящих нам подвигов.

– Погоди чуть-чуть, – вздохнул я. – Сейчас шлюз откроется, мы выберемся наружу и я все тебе расскажу. Видишь ли, я дал слово дворянина не открывать сообщенную мне тайну никому в этом мире. Погоди чуть-чуть.

– Малахольный, – констатировал Лис. – Поди туда, не знаю куда, найди то, не знаю что...

– В самую точку!

Небо над Англией едва начинало сереть, когда неумолимая камера перехода, убедившись наконец, что разумных форм жизни поблизости нет, выпустила нас из холма наружу.

– Эльфийский источник, Эльфийский источник... – под нос бормотал Лис, проверяя конские подруги. – Конечно, если серебряные трубы поставить, будет вам Эльфийский источник и будет здесь шляться кто ни попадая в любое время дня и ночи. А вот чтоб мозгами чуть-чуть пошуровать, это ни в какую. Поставили бы обычные железные, здесь бы такая ржавая вода шла, хрен бы кто сунулся.

Я молча усмехнулся. Пустая затея убеждать напарника в таком настроении, что Эльфийский, да и любой другой заповедный родник в Англии, будь он хоть десять раз крещеный, – вещь священная и весьма оберегаемая. А вот ржавье могли попросту засыпать, а то и вовсе разобрать холм по камушку на окрестные межевые стены.

– Ладно, – вздохнул наконец Лис, удовлетворенный проведенным осмотром. – Вот мы и здесь. Давай, великий и ужасный, вещай, шо у тебя за тайна золотого ключика.

– Видишь ли, Сергей, – начал я как можно деликатнее, стараясь мимикой, жестами и интонацией придать своим словам максимум весомости. – Дело в том, что в весьма высоких кругах Великобритании м-м... есть мнение, что нашей монархии угрожает серьезная опасность. И что... Мерлин предсказал, какая именно эта опасность и как ее избежать.

Закончив с неказистым вступлением, я поведал боевому товарищу о последнем пророчестве великого мага, о кусочках пергамента, записке в библиотеке графов Перси и о своей встрече с герцогом Норфолком.

– Угу, – кивая в такт моим словам, подытожил Лис. – Я знаю, какая реальная угроза нависла над вашей монархией. Вы там все подурели! Это ж надо, отправляться в соседний мир собирать пазлы. – Он огляделся вокруг, вдыхая прохладный ночной воздух, и, обреченно взирая на глухотоманные заросли дрока, на родник, бьющий из-под плиты шлюзовой камеры, тяжело вздохнул:

– Ладно, Капитан, это не ко мне, это к психиатру. Мы уже здесь. Командуй.

Я был очень благодарен Сергею за эти слова.

– Судя по тому, что один из слышанных нами рыцарей величал другого сэром Кэем и они собирались предупредить короля о дурном предзнаменовании, я делаю предположение, что перед нами сэры Кэй, сенешаль короля Артура и, стало быть, сам он где-то поблизости. Нам следует поспешить.

– Резонно. Знать бы еще, куда спешить. – Лис склонился к земле, выискивая следы копыт на влажном прибрежном грунте, я же стал осматривать ветки ближайших деревьев и кустов, ища следы промчавшихся здесь недавно всадников.

– Кажется, они пришли оттуда, – бросил я, показывая напарнику надломленную ветку. – Вот смотри, еще одна, и там еще.

– Очень может быть, – согласился Лис. – Возле ручья они толклись, едва сдерживая гарцевавших коней. Все вокруг побито копытами. Всадников шесть, не меньше.

– Догоним – разберемся. На коней!

Идея настигнуть сэра Кея была недурной, однако попытка держаться оставленных следов в гуще прудуренного леса не увенчалась успехом. Мы довольно быстро потеряли и след, и то, что хоть отдаленно могло именоваться тропой. Мы ехали, опустив поводья, предоставляя скакунам возможность самим выводить нас из дебрей. Я с тоской вспоминал ухоженные лужайки и аккуратно «запущенные» сады, которые были здесь разбиты десять – двенадцать веков спустя, и понимал, что ныне ничего подобного нет и в помине, что леса занимают едва ли не две трети территории королевства, время от времени переходя в болотистые пустоши и лишь изредка оживляемые дикими поселениями не то охотников, не то разбойников, никогда особенно не отделявших одно ремесло от другого.

В таких грустных мыслях мы двигались неведомо куда в ожидании рассвета, автоматически отстраняя низкие ветви деревьев, норовящие хлестнуть по лицу, объезжая завалы буреломов и время от времени спешиваясь, чтобы пересечь встречавшиеся на пути глубокие овраги.

– Огонек, – внезапно произнес Лис, когда мы выкарабкались из очередного буерака, хранившего на дне, невзирая на сухую погоду, изрядные запасы многолетней грязи.

– Где? – спросил я, оглядываясь вокруг.

– Вон, впереди. Видишь силуэты двух скал? В распадке между ними, ближе к правой.

Чтобы рассмотреть то, что мой друг именовал «огоньком», нужно было обладать обостренным зрением прирожденного лучника, которым природа наградила Лиса, но, увы, обделила меня. Сколько я ни вглядывался, ничего похожего на обещанный Рейнаром свет мне узреть не удалось.

– Может быть, тебе показалось?

– Я тебе повторяю, это огонь. Причем не светлячок, а именно огонь. Рубь за сто.

– Ладно, – пожал плечами я. – Давай посмотрим. Надеюсь, ты прав. Лишь бы не духи водили.

– Угу. Лихомань болотная.

– Не поминай всуе, – отмахнулся я, невольно воскрешая в памяти знакомство с этой невиданной никем нечистью.

– Не бойсь, Капитан. Я, конечно, так сразу не могу сказать, чей там костер в тумане светит, но отличить голубовато-белый духовский огонь от нормального пламени – шо тебе отличить корону английского барона от обруча барона немецкого.

Я молча кивнул и прищипорил коня к видневшимся вдалеке скалам. Минут через пять я тоже увидел то, что заметил Лис, а еще спустя четверть часа у меня не оставалось ни малейших сомнений, что перед нами не просто огонь, а очаг, освещающий жилище убогого отшельника.

– О, я знаю! – возбужденно зашептал Лис. – Здесь живет братец Тук и у него наверняка можно разжиться куском жареной оленины. Сначала он начнет ломаться и предлагать сушеных

кузнечиков, типа у него уже пятый год Великий пост и он с него никак смениться не может. Но ты его дожимай, потому как я точно читал, шо ему приятель – лесной сторож носит оленей.

– Лис, это было в другом месте и в другое время, – отмахнулся я.

– А шо, разве эти отшельники друг от друга чем-то отличаются? – пожал плечами Лис, демонстрируя явно преувеличенную наивность.

Я прильнул к окошку, затянутому бычьим пузырем, пытаюсь получше разглядеть обитателя или же обитателей неказистого жилища у подножия поросших буроватым мхом черных скал. Сквозь узкую щель, оставленную для вентиляции, мне едва были видны грубое каменное распятие, кусок очага, освещавшего его, да тощая фигура в темном одеянии, молитвенно согбенная перед крестом.

– Лис, похоже, здесь нас все-таки ожидают сушеные кузнечики.

Напарник тоскливо потянул воздух своим перебитым носом, напоминая латинскую букву S, и изрек патетически, воздевая руки к небесам:

– Господи, за что ты опять заслал меня в эту глухомань!

Произнесено это было громко, со слезой в голосе, но ни театральное причитание моего друга, ни фыркание наших коней, казалось, не могли отвлечь отшельника от возвышенных мыслей.

– Слышь, Капитан, – возмутился подобному невниманию Лис, – а шо это он ухом не ведет? Может, слегонца подыздох от своей кузнечиковой диеты? Может, ему первая помощь требуется?

– Нет, кажется, дышит, – с сомнением покачал головой я.

– Да?! Тогда было бы невежливо заставляя себя так долго ждать.

Лис толкнул дверь, сколоченную из грубых досок и обтянутую от сквозняка полосками бересты. Дверь, едва припертая колом от ветра, поддалась без труда, и мой напарник, склонившись в шутовском полупоклоне, провозгласил:

– Добро пожаловать, милорд!

Казалось, наше появление не произвело на хозяина уединенного жилища ни малейшего впечатления. Он ни на дюйм не сдвинулся с места и, даже не повернув головы, продолжал шептать едва слышные слова молитв.

– М-да, – озираясь, вздохнул Лис, – так и запишем: с гостеприимством в Северной Англии слабовато. Ау, дедуля! Будь так добр, сделай богоугодное дело, помоги сбившимся с дороги путникам.

Но и эти слова, судя по всему, были обращены к шумевшему за стеною хижины девственному лесу. Однако вот последнее слово молитвы было произнесено, и отшельник, с кряхтением поднявшись с колен, обернулся в нашу сторону.

– Мир вам, добрые люди, – выдохнул он хорошо поставленным голосом, словно декламируя с церковной кафедры.

– Доброе утро, папаша, – недовольно хмыкнул Сергей, приподнимая козырек отсутствующей кепки. – Это вы всегда дремлете в такой неудобной позе? Или в связи с теплым сезоном тюфяк в стирку сдали?

Сам того не заметив, мой друг скинул возраст обитателя сего неуютного местечка с «дедули» до «папашы» и, несомненно, был прав. Безусловно, отшельник был немолод, но, невзирая на любовно запущенный вид, вряд ли ему можно было дать более пятидесяти лет. И хотя подпоясанная грубым вервием холщовая сутана, весьма нуждающаяся в штопке, длинные засаленные волосы и седоватая щетина неумолимо свидетельствовали о его нищенском существовании, гордая осанка и взгляд, устремлявшийся прямо в глаза собеседника в те секунды, когда очи не были потушены долу, свидетельствовали о том, что, вероятно, этот человек знал и иные времена.

– Я вас знаю, – неожиданно, без всякого перехода, произнес отшельник, окидывая меня оценивающим взглядом с ног до головы. – Вы сэръ Торвальд аб Бьерн, брат-близнец принца Эстольда Трехрукого и приходитеесь племянником покойному королю Лоту Оркнейскому.

Я обескураженно посмотрел на Лиса, но он лишь пожал плечами, не зная, что и ответить. Конечно, несколько лет тому назад мы с ним весьма недурственно прошлись по горам и восточному побережью Каледонии, охотясь на особо злостного короля скоттов Шнека Хеттена и разваливая созданную благодаря козням его очаровательной супруги и нашей «двоюродной сестры» Каледонскую империю, не угодившую руководству нашего Института. Результаты были вполне ощутимы: древний императорский венец, презентованный мною королю Артуру, и великий меч Катгабайл, преподнесенный мне, тогда еще не Торвальду, а, так сказать, брату-близнецу Эстольду феей Сольнер на заповедной поляне примерно такого же леса. Меч этот, выкованный для отважнейшего из асов, однорукого Тюра, давал владельцу весьма изрядные преимущества в бою, но, впрочем, это особая история, рассказывать которую сейчас мне недосуг.

Итак, мое имя было довольно известно. В благодарность за императорский венец Артур и причислил меня к рыцарям Круглого Стола. Но здесь, в непролазной глухомани, где в новолуние и медведю-то грозит поломать себе лапы, никому не ведомый отшельник с легкостью узнает во мне оркнейского принца, правда, семнадцатого по праву наследования, но все же...

– Прошу простить меня, святой отец, мы с вами, – я замялся, подбирая слово, – знакомы?

– Увы, – печально вздохнул тот. – Видимо, время и терзания души моей до неузнаваемости изменили телесный облик, ибо в тот миг, когда вы преклоняли колено, дабы стать уже рыцарем Круглого Стола, не кто иной, как я читал над вами священные слова мессы.

Я поперхнулся на вдохе и стал пристальнее вглядываться в лицо хозяина.

– Да, да. Вы не обознались. – Отшельник печально склонил голову. – Рваное рубище и убогое жилище, где даже алчный разбойник не найдет себе добычи, ценнее этого вервья, служащего мне поясом, вот все, что нынче составляет удел Эмерика, архиепископа Кентерберийского.

– Капитан, не волнуйся, – поспешил успокоить меня Лис, очевидно, встревоженный ошарашенным выражением моего лица. – Наполеон с Нельсоном еще не родились, вот мужик и мнит себя архиепископом Кентерберийским. Ничего страшного, небольшая шизофрения.

– Ты знаешь, Лис, – вглядываясь в глаза стоявшего передо мной священника, передал я, – похоже, это не сумасшествие. Он действительно преосвященный Эмерик, архиепископ Кентерберийский.

– Оба-на! – неизвестно чему обрадовался мой друг. – Вот он, образец истинно христианского среброненавистничества! До каких высот, в смысле, наоборот, низин, опустилась церковь не стяжающая! Отраднo видеть главного попа Англии, пекущегося о деле Божьем, а не о той части денария, которую хорошо бы оставить себе вместо того, чтобы отдать кесарю.

Запас шуток, как и запас хитростей, у Лиса был неистощим, и потому, отключив связь, я галантно поклонился его преосвященству.

– Святой отец, осмелюсь узнать, что привело вас в столь бедственное состояние?

– О-о-о! – Преподобный Эмерик воздел вверх руки, и из глаз его покатались слезы, образывая на давно не мытых щеках светлые дорожки. – Все этот нечестивец Мордред, которого язык не поворачивается величать рыцарем! Это он, змеей прокравшийся в доверие к дяде и отцу своему королю Артуру, повинен во многих бедствиях и страданиях, обрушившихся на несчастную Англию. О-о-о!

– Кстати, Капитан, меня всегда занимало, почему здесь никого не смущает, что наш Орел Пендрагоныч является Мордреду, так сказать, двойным родственником?

Я лишь вздохнул, оставляя вопрос напарника без ответа. Версия о коварстве феи Морган, хитростью заманившей своего брата короля Артура на ложе, была широко известна. Но

доводилось слышать и другие варианты, зная же пристрастия зеркала рыцарской доблести к хмельному элю и его любвеобильный нрав, они отчего-то не казались мне чересчур надуманными.

– Когда король Артур, – вещал, вновь входя в роль архиепископа Кентерберийского, бедный отшельник, – отправился с войском усмирять взбунтовавшуюся Арморика,¹ его злосчастный злокозненный сын был оставлен правителем Британии. И он, о коварнейший, вознамерился прибрать к рукам отцовское наследие. – Монах начал яростно загребать руками, изображая из себя снегоуборочный комбайн. – Гадом ползучим пробрался он в замок к королеве Гвиневере с лживым известием о том, что великий супруг ее пал в чужедальнем краю, и потребовал от несчастной беззащитной женщины отдать ему руку свою и сердце, вождедея к ней и ее королевскому титулу.

– *А что, – вновь прорезался на канале связи Лис, – помню я эту Гвиневеру. У мальчика неплохой вкус. Опять же в духе семейных традиций: папаша Утер Артура слепил тайком, под видом супруга проникнув к чужой жене. Сынок Артур с сестричкой расстарался – Мордред сострогал. Не вижу, отчего бы этому юному красавцу не жениться на собственной мачехе. Тем более что по возрасту она все же ближе ему, а не Артуру.*

– *Серезжа, отстань, дай дослушать информатора.*

То, что сейчас говорил Эмерик, было в общих чертах известно – произведение сэра Томаса Мелори «Смерть Артура» я проштудировал еще в годы ранней юности. И хотя вдохновенный певец и разбойник с большой дороги сподобил несчастную Гвиневеру бежать и запереться в лондонском Тауэре, до строительства которого было еще лет триста, а Эмерик утверждал, что она скрылась у неведомых друзей, в сущности, дела это не меняло – королеве удалось бежать. Мордреду же – собрать против обожаемого папаша огромную армию, не виданную дотоле на английской земле.

– ...Тогда я пришел к Мордреду и заявил, что за грехи его я прокляну его колоколом, книгой и свечой.

– И как? – вмешался в разговор Лис.

– Проклял.

– А он?

– Пообещал изловить меня и отрубить голову.

– Узнаю Мордреда. Он всегда с вниманием относился к наставлениям отцов церкви, – всплеснул руками мой неугомонный напарник. – Однако я вижу, для обезглавленного у вас вполне здоровый цвет лица.

– Я бежал, едва успев захватить с собой молитвенник! – возмутился архиепископ...

– Понятно, – прервал его я, – стало быть, с тех пор вы сидите здесь в глуши и, вероятно, не знаете, что творится далее полуденного перехода отсюда.

– О нет, – захохотал отшельник, и его суровые черты исказила улыбка, казавшаяся неуместной на изможденном лице. – Я знаю! Я знаю, что король высадился в Дувре и разбил там изменника Мордреда. Я знаю, что он разбил его на холмах Бархем-Даун, заставив бежать точно зайца, и теперь, лишь вчера утром, он был неподалеку.

– Куда? Куда он направился? – выпалили мы с Лисом, не сговариваясь.

– В замок герцога Ллевелина, к Адриановому валу, – гордо произнес прелат. – Передохните, подкрепитесь, если у вас есть чем, а после заутрени я выведу вас на дорогу.

---

¹ Арморика – нынешняя французская провинция Бретань.

Глава 2

*Опасность – опьянение, которое отрезвляет.
Альфонс Доде*

Утро встретило нас парой ячменных лепешек, принесенных невесть кем в лесную глухомань для подкрепления сил преподобного отшельника. Эти незамысловатые хлебцы да глиняная плошка росы, собранная святым отцом, вот все, что составляло утреннюю трапезу вчерашнего архиепископа. Однако, невзирая на категорические отказы, он все же преломил несчастные лепешки, вручив нам перед отъездом большую часть своих съестных запасов.

– Дух, не обремененный заботою о страстях телесных, воспаряет к небесам, аки белый голубь. Вам же, доблестные воины, след подкрепить силы, ибо справедливое дело, коему вы служите, потребует их от вас до последней капли, – напутствовал он нас, указывая длинными узловатыми перстами едва натоптанную тропинку, скрывающуюся в высокой траве у подножия скал. – Езжайте, она выведет вас на дорогу, по которой вы без труда доберетесь до Кэрфортина, где правит вернейший союзник Артура, Страж Севера герцог Ллевелин. Передайте ему мое благословение и да хранит вас Господь. – Он осенил нас крестным знаменем, и мы что есть сил пришпорили коней, спеша наверстать потерянное ночью время.

Солнце еще не спеша катилось в зените, едва лишь присматриваясь, куда лучше опуститься на ночевку, когда перед нами открылись изрядно обветшавшие за век после ухода римских войск, но все же весьма внушительные укрепления Адрианового вала. Бесконечная стена его, кое-где полуобрушенная, но местами сохранявшая полную боевую готовность, как во времена цезарей, появлялась из-за горизонта на западе и тянулась сколь видел глаз, скрываясь вдали на востоке. Здесь дорога превращалась из разбитого копытами и колесами проселка в широкую, выложенную каменными плитами трассу, любовно сработанную римскими инженерами и предназначенную для бесперебойной переброски войск от одного форта вала к другому.

Собственно говоря, одним из таких фортов, несколько разросшимся и вновь укрепленным учениками учеников все тех же имперских инженеров, являлся Кэрфортин, или, вернее, римский Каэр Фортун – Замок Фортуны. Четыре башни его, возвышавшиеся на безжизненной скале, господствовали над лежащей внизу равниной, предоставляя хозяину этих мест прекрасный обзор на все стороны света. Пожалуй, в стихах пылких сочинителей рыцарских баллад этот замок мог именоваться неприступным, уж во всяком случае, взбираться к его воротам по крутому склону было действительно трудновато. Судя по тому, что в разгар дня ворота были заперты и мост, соединяющий цитадель с аккуратно насыпанным каменным холмом предвратного укрепления, был поднят, Кэрфортин находился на военном положении.

Я остановил Мавра в виду сторожевой башни и трижды протрубил в рог, требуя опустить мост.

– Кто такие? – донеслось до нас из узкой, словно щель в заборе райского сада, бойницы.

– Я – сэр Торвальд Пламенный Меч, рыцарь Круглого Стола! – заорал я с самым бравым видом. – Мой же спутник носит имя Рейнар Лис. Мы воины короля Артура и ныне ищем его, чтобы присоединиться к королю против изменника Мордред.

– Хорошо сказал, – похвалил меня Лис. – Очень натурально. Вот только чего-то они не чувствуются.

Из башни действительно не доносилось ни звука. Казалось, ее обитатели начисто потеряли интерес к парочке, ожидающей у ворот.

– Слушай, может, они там внезапно того... Ну, в смысле, заснули столетним сном? – разглядывая цитадель, поинтересовался Лис.

– С чего бы вдруг?

– Да мало ли, обкололись веретеном до одури. Так что придется тебе, как почетному принцу Оркнеи, лезть через забор, как тогда, во времена Войны Роз, и целовать всех в морду направо и налево, пока не найдешь, кто из них спящая красавица.

Непонятные ситуации порою вызывали у моего напарника приступы шутовства, и с этим приходилось мириться.

– Тогда кто же нас окликал? – возразил я, чтобы поддержать беседу.

– Бред! Сонный бред, – не моргнув глазом заявил Сергей, но, заглушая его слова, в крепости послышался скрип воротов, и сколоченный из широких дубовых досок мост стал медленно опускаться.

Еще несколько минут, и в распахнутых воротах Кэрфортина нас встречал восседающий на белом, как морская пена, коне Страж Севера герцог Ллевелин. На черном поле его щита золотой дракон терзал ворона каледонцев.

– Приветствую тебя, сэр Торвальд герцог Инистор! – воскликнул он, поднимая руку вверх и трогая коня с места. – И тебя, доблестный Рейнар! Простите за невольную задержку! Вы сами знаете, какие сейчас времена. Услышав ваше имя, стражник велел позвать меня, ибо никто другой не знает вас в лицо. А мы, увы, вынуждены опасаться приспешников негодяя Мордредра не менее чем пиктов и скоттов Горры по ту сторону вала.

– Привет и тебе, славный герцог. – Я склонил голову, и Лис последовал моему примеру. – Тебе известна моя верность королю. И пусть много лет жил я вдали от Камелота, известие о предательстве моего коварного родича Мордредра заставило вернуться и вновь стать под знамена Артура. Мне сообщили, что он направляется в ваш замок после победы в Бархем-Даун, и я поспешил, стремясь застать его.

– Увы, доблестный Торвальд, – расстроено вздохнул Ллевелин, поворачивая коня и указывая нам путь во двор замка, – известия не обманули тебя. Но они устарели. Лишь вчера вечером король Артур покинул Кэрфортин и с войском отправился в Палладон на помощь королю Дьюэру. Ты не представляешь себе, сэр Торвальд, как я рад видеть вас у себя. Въезжайте скорее, не стоит чересчур долго держать ворота открытыми. Сами понимаете, не ровен час...

– Пожалуй, нам стоит отправиться вслед королю, – начал было я.

– О нет-нет! – запротестовал Ллевелин. – Во-первых, вы много часов были в пути, и закон гостеприимства не велит отпускать вас без обеда. А во-вторых, – герцог подъехал поближе ко мне и наклонился в седле прямо к моему уху, – у меня есть тайный приказ короля. Не могу же я говорить о нем в воротах!

– Что ж, – я оглянулся на Лиса, – отообедаем. Да и коням нужен отдых.

– Отчего ж не зайти, – поддержал меня Рейнар. – На Палладон путь не близкий, а пара всадников в любом случае движется быстрее, чем армия. *Кстати, Капитан*, – продолжал он по закрытой связи, – *неплохо бы узнать, как здесь вообще дела обстоят. Опять же, может быть, этот самый охранник северного сияния слышал что-нибудь о последнем шедевре старика Мерлина. Я так понимаю, он при Артуре совсем не последний парень на деревне.*

Я едва заметно кивнул. Уточнить, кого имел в виду Артур, тайно назначая избранных рыцарей Круглого Стола лордами Камелота, безусловно, имело смысл. Двенадцать из ста пятидесяти! Как говорил Лис: пойдти туда, не знаю куда, возьми то, не знаю что. Это про нас.

Обед герцога Ллевелина был весьма обилен. Преимущественно он состоял из мясных блюд и, судя по обилию жареных, вареных, тушеных и прочих представителей дичи, как пернатой, так и бегавшей еще недавно по лесу, охота в здешних местах была отменно славной. Олени, косули, кабаны, зайцы, куропатки, перепела, фазаны – я сбился со счета, отвеживая все новые и новые блюда, выставляемые на стол могучего Стража Севера.

– Мордред хитрец, в этом ему не откажешь, – макая в соус кусок лепешки, вещал Ллевелин. – Он нащупал самое больное место и ударил в него. – Герцог подхватил полуобглоданную фазанью ножку и ткнул ею в блюдо, словно демонстрируя направление удара. – Амброзий, затем Утер, а теперь и сам Артур все эти годы занимались тем, что создавали империю, подобную некогда великой державе римлян. Но то, что у первых создавалось сотнями лет, наши великие короли Пендрагоны пытались воспроизвести прямо сейчас, спеша при жизни увидеть плоды своих стараний. – Хозяин Кэрфортина поднял наполненный виночерпием кубок. – Ваше здоровье, сэръ Торвальд. Так вот, Британия попросту устала поставлять воинов, скот и лошадей для армии. Устала от того, что рыцари Круглого Стола со своими отрядами приезжают в замки и города, и их нужно кормить, поить, ублажать, ибо такова воля Артура.

Многих бесит, что империя богатеет, а королевства, которые в нее входят, становятся все беднее. Мордред же обещает прекратить войну, как будто это возможно и как будто не приходится нам едва ли не каждый день отражать набеги язычников как с суши, так и с моря. Мордред клянется быть первым среди равных, а ведь многие из британских королей, видя возвышение Артура, вспоминают, что он лишь король Логриси и не выше их по рождению. Сегодня за Мордредом пошли Кент, Сассекс, Сюррей, Эссекс и Суффолк – это огромные силы. Уэльс, Девон и Корнуэлл держат руку Артура, но, дьявольщина! – Герцог отрывисто выругался, не забыв при этом перекрестить рот. – Мы зажаты между молотом и наковальней. С юга нас поджимает Мордред, с севера идет армия мятежной Горры, а тут еще, не ровен час, Ланселот высадится. Он в Арморике воевал против Артура, так что от него теперь всего можно ожидать.

– Да, – протянул я, кивая головой в такт речи собеседника.

– Не забудь надувать щеки. Тоже мне отец русской демократии, персона, приближенная к императору. Эта обжираловка может продолжаться до тех пор, пока кто-нибудь не припрется нас штурмовать. Ты же сам слышишь, сколько желающих. Валишь отсюда надо! Давай выясняй насчет манускрипта, и шевелим вьетнамками.

– Лис, погоди! Не могу же я его в лоб спрашивать: а не оставлял ли вам король на сохранение кусок мерлиновского предсказания?

– Ну, в лоб это было бы, конечно, хорошо, – подавляя тяжкий вздох, заметил Рейнар, – хотя так вроде и не за что. Но давай-ка с этим лучше не тяни. Лично мне здесь засиживаться совсем не климатит.

– Сейчас Мордред пошел к Палладону, намереваясь соединиться с мятежниками Горры, однако это ему вряд ли удастся, – как ни в чем не бывало продолжал свою лекцию о международном положении хранитель северных границ. – Вожди Горры не ищут прямой схватки с Артуром. У них в памяти еще очень свеж тот самый поход, в котором вы, друзья мои, воевали столь славно. И все же вряд ли они откажутся от своего коварного умысла, уж я-то знаю их повадки. Скорее всего они бросят Мордреда на произвол судьбы, предоставят ему дожидаться обещанной подмоги до конца его дней и ударят здесь! – Герцог ткнул пальцем в одну из бойниц, сквозь которую открывался великолепный вид на взбирающуюся с холма на холм стену и старательно вычищенную равнину, раскинувшуюся у ее подножия. – Король велел мне не пропустить их, – опуская голос до полупшепота, заговорщицким тоном произнес Ллевелин.

Пожалуй, я был бы удивлен иному приказу, но лишь молча кивнул, продолжая слушать герцога.

– Он приказал мне собрать под свои знамена всех, кого я только могу сыскать в этом краю, всех, кто может держать в руках оружие, всех, кто остался верен сыну Утера в этот тяжелый час. Он велел мне предавать лютой смерти подлых изменников и награждать верных и... и... Само небо послало мне вас сегодня! – Тяжелый кулак королевского наместника с грохотом опустился на столешницу, разбрызгивая недоеденный соус.

– Кажется, влипли, – безнадежно констатировал Лис. – Он нас отсюда никуда не выпустит. Он нас обвешает крестами, что Санта Клаус елку, и заставит подавлять скоттское сопротивление.

– Вы, чье имя до сих пор наводит страх на язычников с Каледонских гор, ваше знамя, развернутое рядом с моим, стоит дюжины иных рыцарских знамен!

– Видите ли, милорд, – начал я, дождавшись, когда у Ллевелина закончится воздух в легких и он поневоле будет вынужден прервать импровизированный митинг. – Все эти годы я много странствовал...

– Да! – неожиданно радостно перебил меня герцог. – Я, кстати, слышал, что вы погибли, сражаясь с огненным драконом в отрогах Ледяного Туле...²

– Не-не-не, – поспешил успокоить хозяина Лис. – Слухи о нашей смерти несколько преувеличены. Было дело, мы, конечно, в Туле с зеленым драконом сражались. И не только в Туле, но и в Самаре, и в этой, как ее, Москве в районе Сетуньского Стана. Но скорее мы его, чем он нас. А все остальное время мы доблестно разыскивали чашу Грааля. Кстати, если вдруг услышите, что кто-то решит отправиться искать ее на Севере, может не ехать, мы там уже все перерыли.

Неизвестно, куда мог вынести поток красноречия моего неумного друга, но я вновь поспешил вмешаться в эту оживленную беседу:

– Так вот, не далее как десять дней тому назад, во сне мне явился великий старец Мерлин, держащий в руках развернутый свиток и указующий на него. Вдруг свиток распался на части, и тут видение смешалось. Пред очами возник образ нашего короля, сражающегося с достойнейшим из достойных рыцарей сэром Ланселотом. Не в силах вынести такого поругания я проснулся, и слезы обильно увлажнили мои глаза.

– *Бу-га-га!* – не замедлил прокомментировать мои слова напарник. – *Обнял и проследился.*

– *Помолчал бы лучше! Ты зачем сюда чашу Грааля прилел?*

– *Капитан, ну сам прикинь, надо же было как-то мужику объяснить, где нас столько лет лешие тягали. А тут все понятно, ее здесь все ищут. Пол-Англии в разгоне.*

– ...Я сейчас же бросил все и отправился в Камелот, надеясь отыскать там короля и Мерлина, чтобы они растолковали мне сей, несомненно, вещий сон. Но по дороге один встречный рыцарь...

– Да-да, сэр Вилат, – поспешил вставить шпильку Лис.

– ...поведал мне, – стоял на своем я, не обращая внимания на реплики друга, – что Артур и впрямь пошел войной на Ланселота. Теперь же я спешу к королю, или, вернее, к его магу, чтобы он помог растолковать мне оставшуюся часть сна.

– Никто не знает, где сейчас Мерлин, – неспешно покачал головой Ллевелин. – Говорят, он ушел на Авалон. Но я обещаю вам, сэр Торвальд, если вы останетесь со мной, я помогу вам истолковать и первую часть видения.

– Так, один кусок, кажется, нашли.

* * *

При всем нашем желании в тот день нам не суждено было отправиться вслед Артуру. После обеда Ллевелин, вероятно, сочтя сказанное достаточным и вновь прибывшее подкрепление поступившим под свое командование, вывел нас во двор замка и, сделав широкий жест рукой, как будто демонстрируя нам богатый подарок, указав на три дюжины лучников и копейщиков, выстроенных в ожидании приказа, радостно сообщил:

---

² Туле – мифическая северная земля.

– Друзья мои, как я уже говорил, само небо послало вас нынче в Кэрфортин. Сегодня я должен отослать отряд на ту сторону вала, чтобы сменить гарнизон на передовой бастиде. Я ломал себе голову, кого назначить старшим в этот отряд. А ваше имя, сэр Торвальд, само по себе удвоит силы любого отряда. Я понимаю, что в таком деянии не слишком много славы, но бастида запирает ущелье в Чевииотских горах, через которое мятежники Горры могут прорваться в равнину. И пока местные рыцари и бароны не соберутся у цитадели в единый железный кулак, это место самое опасное во всей северной земле. Надеюсь, известие о том, что войсками в бастиде командуете вы, отобьет у скоттов охоту рваться сюда. С нетерпением буду ждать вас обратно через пару дней. Полагаю, этого времени хватит, чтобы собраться с силами.

Я невольно кинул взгляд на Лиса, ища поддержки. Во-первых, менять гарнизоны где-то у черта на куличиках вовсе не входило в наши планы. А во-вторых, я отчего-то сильно сомневался в чудодейственности своего имени. Более того, у меня были все основания полагать, что едва по ту сторону вала разнесется весть о моем появлении, как сразу же по мою душу выстроится длинная вереница местных вождей, спешащих засвидетельствовать свою непроходящую ненависть. Как-никак, именно я отбил у их предводителя священный символ верховной власти над этими островами, да и передача Горры в вассальную зависимость королю Артуру в изрядной мере была моих рук дело.

– *Не тратьте, кумэ, силы, – раздалось на канале связи, – идите на дно. Даже если ты этому феодалу предоставишь справку от врача, шо умер вчера, он с тебя не слезет. За вал перекинемся, там уж разберемся, куда двигать поршнями.*

– *Но у него пергамент, – напомнил я.*

– *И шо, по этому поводу за него замуж выходить? Возьмем его на заметку. Сейчас важнее выяснить, у кого еще можно разжиться этими огрызками.*

– *Может, он тоже знает. Неизвестно, при каких обстоятельствах Артур раздавал части пророчества. Вполне мог собрать лордов вокруг Круглого Стола, сказать прочувствованную речь...*

– *Ладно-ладно, уболтал. Сейчас отведем ребятишек в детский сад и быстренько обратно, трусить герцога на тему старинных рукописей.*

Я обвел глазами выстроившихся во дворе воинов. Несколько уэльских лучников, остальные же бургунды и брабасоны, готовые сражаться с кем угодно и за кого угодно за вполне умеренное вознаграждение. В глазах этой братии весьма явственно читались слова наемничьей молитвы: «Дай нам Бог сто лет войны и ни одного сражения». Но выбора не было.

Я вздохнул и повернулся к герцогу:

– Когда прикажете выступать, милорд?

– Немедленно!

Бастида, о которой говорил Ллевелин, располагалась часах примерно в шести хода от Кэрфортина. Дотошные фортификаторы императора Адриана, стремясь обезопасить римскую Британию от набегов «кровожадных дикарей», не только потрудились над тем, чтобы возвести мощные укрепления поперек страны, но и позаботились, чтобы впереди основных позиций на всех путях подхода к стене были выставлены укрепленные сторожевые посты, служившие и как передовые наблюдательные пункты, и как базы для карательных вылазок легионов по ту сторону вала. К этому времени от большинства из них не осталось ни следа, но все же некоторые башни содержались в полном порядке, не утратив своего боевого значения.

Привыкший сражаться
Не жнет и не пашет, —

вдохновенно выпевал Лис.

Хватает иных забот!
Налейте наемникам полные чаши,
Завтра им снова в поход.

– Капитан, давай-ка прикинем, кто там у нас под шлемаком по делу о пропавшем пророчестве.

Я оглянулся на ехавшего позади напарника. Лицо его было профессионально беззаботно, и слова песни лились, словно записанные на магнитофонную кассету. Наше импровизированное войско привычно вышагивало по остаткам римской дороги, порой терявшейся в зарослях цветущего вереска, но все же сохранявшей идеально прямое начертание. Слова новой песни явно пришлись по нраву суровым воякам, и они подхватывали их хором нестройных голосов. Уже изрядно смеркалось, но до заветной бастиды оставалось идти мили полторы-две, не больше. Ее освещенный факелами вечерней стражи силуэт вполне четко вырисовывался впереди на отвесной скале у входа в ущелье.

– Прости, где? – переспросил я.

– Ну, под шлемаком. То есть под колпаком, только почтительнее, лорды все-таки.

– А-а. Ну, давай подсчитаем. Так, Персиваля, Ланселота и Ллевелина можно занести в этот список с вероятностью процентов девяносто девять. Там же наверняка Галахад и Борс. Он, кстати, единственный, кто вместе с Персивалем и Галахадом видел чашу святого Грааля и после этого вернулся домой. Вероятно, наши части пророчества попали в библиотеку Перси именно через него.

– Согласен. Вполне себе крутые парни.

– Дальше – Мордред. До своей измены тоже числился в первой дюжине. И если пергаменты есть у Персиваля и Ланселота, то, вероятнее всего, и у Мордреда он тоже имеется.

– Вполне может быть. Какие еще кандидатуры?

– Очевидно, Говейн, но он, если верить Мэлори, умер от ран после битвы при Бархем-Дауне.

– Ну, сэр Мэлори известный фантаст! Ему рыцаря уколошить – левое дело, один росчерк пера.

– Не обижай классика! – возмутился я. – Он, конечно, грабитель храмов, но все же член палаты общин. Опять же в Войну Роз вы с ним прекраснейшим образом ладили.

– Але, отец родной, ты чего завелся?! Я ж любя. Я ж ему сам в тюрягу чернила таскал! Буквально полколчана ему на перья общипал...

– Ладно, – оборвал я пустившегося в радужные воспоминания напарника. – Давай дальше. Я бы, наверное...

В этот час Лису не суждено было узнать, кого бы еще счел достойным высокого доверия король Артур. Мы уже вплотную приблизились к бастиде, часовые, опознав в колеблющемся свете факелов леопардового льва на моем щите, предусмотрительно освещенном одним из воинов, стали отворять ворота. И тут из-за окрестных кустов, из-за валунов, нагроможденных у тропы причудливыми осыпями, с диким утробным рычанием, с леденящим душу визгом начали выскакивать голоногие воины, раскрашенные багровыми и синими полосами, с круглыми деревянными щитами и копьями, больше смахивающими на заточенные и обожженные колья.

– Засада! – взревел я, поворачивая Мавра и обнажая Катгабайл. Клинок его, кованный гномами в неведомых земных глубинах из истинного серебра атлантов, блеснул во мраке голубой молнией, предчувствуя битву. Когда-то фея Сольнер, вручая его, утверждала, что ни один из законных хозяев этого меча не был побежден в бою. Пожалуй, сейчас у меня был отличный случай проверить истинность ее слов.

«Засада!» – подхватило эхо, и я краем глаза отметил, что привычные к прелестям воинской жизни наемники, благополучно отбросив первых отчаянных смельчаков, перестроились крутой дугой, прикрывая ворота, и по одному, по двое отступают под свод арки.

– Отходим в бастиду! – скомандовал я, отмахиваясь от наседающих каледонцев и заставляя Мавра пятиться.

Последняя команда была излишней, ничего иного, похоже, и не предполагалось.

Глава 3

*Белый гость к обеду – награда богов за храбрость.
Пословица аборигенов Новой Зеландии*

Массивные тесовые ворота, окованные железными полосами, захлопнулись, едва отступающий Мавр оказался на территории бастиды, и, приняв гулкий удар раскрашенной толпы, вздрогнули, но остались стоять нерушимо. Четыре тяжелых засова, вставленных растопными стражниками в железные скобы, могли некоторое время сдерживать ярость атакующих, но, видя, с каким остервенением эта плохо вооруженная братия рвется в бой, я бы не стал делать на них большую ставку. Уж о чем, о чем, а о боевых качествах кельтов я знал не понаслышке. Неспособные к ведению правильных и регулярных военных действий, с презрением отвергающие тактические хитрости, они демонстрировали великолепную выучку и отвагу, когда дело касалось рукопашной схватки.

– Горим – не горим? – возбужденно поинтересовался Лис, уже спешившийся и теперь поудобнее перетягивающий ремень колчана.

Я втянул воздух. В нем действительно чувствовался запах нефтяного чада. Кажется, до сих пор попытки забрасывать противника горшками с горючей смесью, знаменитым греческим огнем, здешние жители не предпринимали. Должно быть, считали ниже своего достоинства.

– Да нет, все нормально, – усмехнулся я, разглядев взметнувшийся над верхней площадкой квадратной каменной башни бастиды длинный язык пламени. – Это сигнал в Кэрфортин.

– И что дальше? – спросил Лис, изгибая лук и сквозь мрачный зрачок бойницы спуская с тетивы первую стрелу. – Можно ждать подмоги или как?

– Вероятнее всего, «или как». Бастида поставлена для того, чтобы предотвратить внезапное нападение на основные укрепления. С этой ролью, как видишь, она справилась. А посылать сюда подмогу, тем более ночью, – оч-чень сомневаюсь.

Между тем боевая ярость едва видимого в ночной мгле противника продолжала нарастать. Камни и дротики, колотившие по воротам, словно град по пустой бочке, все чаще находили себе жертвы.

– Такими темпами мы рискуем не дожить до утра, – пробормотал Лис, и в тот же миг копейщик, прикрывавший щитом узкую прорезь бойницы в те секунды, когда мой напарник тянулся за новыми стрелами, чуть замешкался и, схватившись за горло, начал заваливаться набок. – Убит, – склонившись над ним, констатировал Лис.

– Выцелили, – сквозь зубы процедил я, загораживая своим щитом гибельный просвет в каменной кладке. Спустя миг еще два дротика вонзились в его лазоревое поле. Уж если каледонцы начинали метать дротики, делали они это с душой.

– На стены! – раздался командный окрик начальника гарнизона.

Приказ был отдан весьма своевременно, поскольку над толстыми заточенными бревнами, венчавшими сложенную из скального камня куртину, одна за другой начали появляться раскрашенные фигуры штурмующих. Несильные в осадном искусстве, они применяли способ простой, но в подобных условиях вполне действенный: вонзив в бревно палисада как можно больше дротиков, они, пользуясь темнотой, собирались у стены и, составив пирамиду, забрасывали на импровизированный турник бойца за бойцом.

Дальнейший путь для этих ночных демонов был так же легкий и незатейлив, как прогулка по парку. Схватка на стене вскипела с той стремительной яростью, с какой вырывается из опостылевшего кувшина джинн в персидских сказках. Брабасоны и бургундцы в кожаных куртках, усиленных нашитыми железными кольцами, и кельты, встречавшие врага голой грудью, считая полученные раны высочайшим признаком доблести, рубились молча, в немом остервенении

рыча сквозь стиснутые зубы и спеша на последнем вдохе вонзить клыки в тело победителя. Ярость одних была равна несгибаемости вторых, и я, со своим великим мечом, сеявшим гибель направо и налево, пожалуй, был отнюдь не лучшим среди участников боя.

И все же, какую бы стойкость ни демонстрировали воины гарнизона, прекрасно сознававшие, что попадать живыми в руки каледонцев – вероятно, худшая из возможных участвей, исход схватки был почти предрешен. Скотты теснили нас к башне, и каждый шаг назад стоил изрядной крови и нам и им.

Но сколько их было, этого не ведал никто. Все новые и новые воины одним движением перемахивали через частокол и, спрыгнув со стены во двор, присоединялись к нападающим. В пылу боя я потерял из виду Лиса и в душе молил бога, чтобы доспех, сработанный, как и мой, в лаборатории Института, помог ему выбраться живым из этого ада.

– Бран! – несся над ущельем воинственный клич атакующих.

Да, победа их была почти предрешена, но это самое «почти»... То, что произошло в следующий момент, повергло в шок меня, да, похоже, и всех оставшихся в живых воинов гарнизона. Но то впечатление, которое произошедшее произвело на каледонцев, было просто неопишимо. Ночная тьма наполнилась уханьем, рокотом, нечеловеческим хохотом, леденящим душу завыванием оголодавших оборотней. Казалось, вся преисподняя в полном составе, бросив котлы с недоваренными грешниками, выбралась полюбоваться своими потенциальными клиентами. Если бы вдруг по Чевииотским горам прокатилась волна цунами, и она бы, пожалуй, не смогла быстрее смести размалеванных воинов со стен едва державшейся бастиды.

– Капитан, шо это было? – с радостью услышал я недоумевающий голос Лиса. – Шо-то я не понял последнего маневра. Кому это мы тут спать помешали?

– Не знаю, – честно признался я, закрывая уши ладонями, чтобы не слышать ужасающей какофонии, разносящейся над ущельем.

– Надо же, и такое бывает! – восхитился мой напарник. – Не, однако этот панк-рок мне положительно нравится. Особенно если учесть, шо эти чертовы колдунцы своими дубинами мне чуть все ребра не растрожили. Ну шо, командир? Блин, как же оно болит! Как ты считаешь, может, сейчас самое время поздороваться с местным начальством?

Я обвел глазами поле боя, засыпанное телами убитых и раненых. Ночь стирала различия между недавними врагами, и оттого картина внезапно наступившего затишья казалась еще более устрашающей.

– Сэр Торвальд, – раздалось за моей спиной.

Я обернулся. У распахнутой двери бастиды, прижимая окровавленную ладонь к голове, стоял юноша лет восемнадцати в добротной кольчуге, опоясанный широким боевым поясом.

– Я Кархэйн, оруженосец сэра Богера Разумного. Простите, я сэр Кархейн. Мой господин только что посвятил меня в рыцари. Сэр Богер просил передать вам, что умирает и вряд ли доживет до рассвета. Он просит вас подняться к нему.

– Я иду, – кивнул я. – Да, сэр Кархейн, велите позаботиться о раненых и сосчитать потери.

– Конечно, сэр. – Юный рыцарь сделал жест одному из воинов выполнять приказ и, поклонившись, попросил меня следовать за ним.

Признаться, я не заметил, когда рядом со мной оказался Лис, но он на правах моего комита – не то оруженосца, не то телохранителя – имел на то вполне законные основания.

– Капитан, как ты думаешь, местные аборигены после этакой психической атаки оставят нас в покое или поутру решат поинтересоваться, что здесь за нечисть колобродит?

– Вероятно, на рассвете надо ждать очередной штурм.

– Вот и мне так почему-то кажется. Тогда ты, как поставленный Ллевелином начальник всего этого безобразия, надеюсь, не будешь возражать, если я тут пошерстю по сусекам? Надо прикинуть, чем поутру отплевываться будем.

– Давай действуй, – коротко кинул я.

– Вот за шо я тебя, Капитан, ценю, так это за поддержку разумной творческой инициативы. Все, – ухмыльнулся он, вытирая пот со лба, – не буду мешать рыцарственной беседе.

На второй этаж, где, по словам юного рыцаря, лежал умирающий сэра Богера, вела приставная лестница, в случае опасности убиравшаяся в прорезанный между толстых потолочных балок люк. Командир гарнизона, еще молодой мужчина, с обширной лысиной, поросшей кое-где редкими пучками волос, лежал на покрытом медвежьей шкурой деревянном топчане, положив одну руку на эфес меча и прижимая вторую к кровавому пятну на белой льняной рубахе.

– Я привел его, сэра Богера, – негромко сказал Кархейн.

– Сэр Торвальд, – прошептал раненый, открывая редкозубый рот, – прошу вас, приблизьтесь. Мне тяжело говорить, ибо последние капли жизни моей утекают в море вечности.

Судя по расположению раны, командир гарнизона говорил правду. Однако ни смертный час, ни боль не могли свернуть его с приличествующего доброму рыцарю куртуазного тона.

– Черная мгла стоит перед моими очами, – продолжал сэра Богера, – и в этой мгле я уже слышу шаги безглазой воительницы, поражающей всякого, рожденного под небесным сводом.

– Не тратьте силы, мой друг. – Я поспешил присесть возле умирающего. – Вы хотели меня видеть?

– Увы, велико мое горе! – простонал он. – Ибо перед смертью своей не суждено мне узреть вас. Мир темен передо мной... – Рыцарь отнял руку от груди и протянул ее в моем направлении. – Возьмите мою руку, и я умру счастливым, ибо какая участь может быть выше признания столь достойного рыцаря!

– Сэр, быть может, вам нужен священник, – начал было я, но осекся, понимая, что во всей округе, пожалуй, не сыщется даже захудалого монаха.

– Пустое. В моем мече заключена часть зуба блаженнейшей Марии Магдалины, и я верю, что, памятуя мое почитание сей святыни, апостол Петр впустит меня в Царствие Божие.

Я глядел на рыцаря, на торчащий из раны обломок дротика, на часто вздымающуюся грудь, понимал, что ему остались считанные минуты, и в то же время тихо радовался, что мой неугомонный напарник занят ревизией поступившего в наше распоряжение имущества. Уж он бы не преминул высказать свое авторитетное мнение по поводу священной стоматологии.

– Слушайте меня, сэра Торвальд, – продолжал раненый, – передайте герцогу Ллевелину, что я виновен, ибо позволил мятежникам незамеченными подобраться к бастиде. Эти дикари прячутся меж камней точно змеи. – Он замолчал, широко открытым ртом хватая воздух. – Передайте, что я честно сражался... – Он вновь умолк.

– Сэр Богера, – спросил я, не отпуская руки рыцаря, – скажите мне, что это были за звуки, кои спасли нам жизнь?

– Органон, – почти прошептал умирающий и, собравшись с силами, позвал своего недавнего оруженосца. – Кархейн, окажи мне последнюю услугу.

– Я слушаю вас, сэра. – Стоящий за моим плечом юноша склонился над своим господином.

– Выдерни обломок из раны.

– Но это убьет вас!

– Вот и славно. Я и так слишком долго задержался между мирами. Делай, что тебе велят!

– Повинуюсь вам, сэра, – тихо промолвил рыцарь и, ухватив сломанное древко дротика у самой раны, резким рывком вырвал из его груди железное жало.

– Мария Дева, – шевельнулись губы сэра Богера, и рука, из последних сил поднятая им, безвольно упала на пол.

– Умер. – Я повернулся к своему рыцарственному собрату, стаскивая с головы железный колпак шлема.

– Эй, Капитан! – прорезался в моей голове неуместно радостный голос Лиса. – Я понял, почему эти лица скоттской национальности ломились сюда шо те хохлы в пивной ларек. У них тут нехилая заначка верескового меда³! Бочек десять.

– Серезжа, сэр Богер умер.

– Да? – Рейнар замялся. – Нехорошо, конечно, получилось. Однако, думаю, стоит помянуть его из здешних запасов. Полагаю, он бы одобрил.

Я собрался было что-то ответить моему другу, но тут в люке показалась голова того самого воина, которому Кархэйн поручил счет потерь и заботу о раненых.

– Готово, господа рыцари, – бросил он, взглядом спрашивая разрешения подняться в зал.

– Докладывай, – скомандовал ему я, и коренастый и основательный валлиец, быстро забравшись вверх по лестнице, очутился перед нами целиком.

– С вашего позволения, господа, – начал он. – Три десятка да еще полдесятка наших начисто полегли. Еще десяток, да десяток без двух совсем плохи были. Я им помог. – Валлиец положил руку на висевший у пояса украшенный моржовым клыком кинжал. Я невольно вздрогнул, представляя себе эту помощь, но говорившего, похоже, подобные издержки ремесла ничуть не смущали. – Десяток, да еще четыре, – он поднял вверх указанное количество пальцев, – ранены, но еще держатся.

Памятуя о неумолимом кинжале валлийца, я осознал, что в число этих четырнадцати вполне могут входить и те, кто, как и мы с Лисом, отделался ушибами и царапинами, и те, чья душа еще просто не определилась, через какую дырку в теле вылетать к небесам.

– Стало быть, вот, – флегматично завершил свой доклад старый воин.

– Еще семеро осталось лежать за воротами, – хмуро добавил я.

– Сэр Богер, – негромко напомнил Кархэйн.

– Да, теперь еще и он. Сколько всего воинов было в крепости?

– Шесть дюжин да мы с господином. Три дюжины пришли с вами.

– Стало быть, – я принялся суммировать названные цифры, – мы с тобой, Рейнар, две дюжины бойцов, да чертова дюжина с одним из тех, кто еще на что-то годен. Не густо. Если утром мятежники снова пойдут на приступ, нам несладко придется.

– Слушай, Капитан, – вновь раздался на канале голос Лиса, все это время державшегося на связи, – у меня есть гениальный план, полный элегантности и самоотречения. Надеюсь, ты это оценишь, когда будешь писать отчет о проделанной работе. Давай выкатим крашеным горцам пару-тройку бочек вересковки. Они ужрется так, шо красно-синий цвет лица станет для них натуральным, а те, кто не ужрется, поубивают друг друга от безысходной тоски и острой алкогольной недостаточности. А мы тем временем валим отсюда тыгыдымским аллюром, ибо чего ради здесь торчать, лично мне абсолютно непонятно.

– Лис, боюсь, двух-трех бочек на эту ораву не хватит, – усомнился я. – Если здесь обещанная Ллевелином армия Горры, то это никак не меньше двадцати тысяч воинов. Но даже если перед нами всего лишь передовой отряд, то и на них меда не хватит. Ну а только пойдет слух, что у бастиды поят даром, – к завтрашнему вечеру здесь будет все мужское население Каледони, включая стариков и подростков.

– Ну ладно-ладно, уболтал! Выставим пять бочек! Хотя это уже транжирство и прямая растрата казенного имущества. Пока население будет сбегаться, мы уже окажемся за Адриановым валом.

– Сэр Торвальд. – Не слышавший нашей оживленной беседы Кархэйн уже скомандовал своему помощнику выставить стражу на стенах и осмотреть крепление засовов на воротах и теперь, дождавшись, когда мы остались одни, обратился ко мне: – Положение весьма затруд-

---

³ Вересковый мед. – Автору неизвестно, каким образом пикты готовили сей напиток. Вереск – растение не медоносное, поэтому оставляем этот факт, как и все, что произойдет далее, на совести Р. Л. Стивенсона.

нительно, однако в нашем распоряжении имеется органон, свидетелем действия которого вы были, и «адское жерло».

– Что? – непонимающе спросил я.

– О, – улыбнувшийся сэр Кархэйн бросил взгляд на мертвого рыцаря, – мой покойный господин не зря носил сеньяль Разумный. Ему удалось здесь обнаружить давно забытые боевые устройства, которыми во времена Империи легионеры держали в страхе окрестный сброд. Пойдемте, пойдемте скорее, я вам все покажу.

– *Ух ты!* – Лис, очевидно, осознавший, что в нашей несокрушимой твердыне еще остались неисследованные уголки, устремился к нам. – *Шо там у вас еще за лекция о кельте кельта и культуре кельта? Я тоже хочу посмотреть на задницу Вельзевула и прочие его органы.*

Едва успели слова напарника отзвучать в моей голове, как он и сам появился на нашем этаже с безапелляционным:

– Короче, бардак во дворе полный. Я распорядился сбрасывать убитых каледонцев со стены с таким расчетом, чтоб, падая, они ломали дротики. А то скотты поутру к нам в бастиду, шо по бульвару, загуляют.

– О, сэр Рейнар, – почтительно приветствовал юноша.

– Да ну, к чему условности! Оставим сэров сэрам. Можно попросту, без чинов – энц Рейнар л'Арсо де Гайрен д'Орбиньяк. Да, кстати, дружище! Я тут хотел у тебя спросить: то, что ночью пыхтело, это не органон случайно? Уж больно звук похож.

Я метнул на друга негодующий взгляд.

– Вы знаете об органоне? – с нескрываемым удивлением расширил глаза Кархэйн.

– Тю?! Да у нас на родине такой штуковиной ворон от полей отгоняют.

– Империя, – восторженно прошептал наш новый боевой товарищ.

– Кстати, Капитан, к слову: ты можешь объяснить мне, шо это за штуковина?

– Сейчас увидим, – заверил я. – Судя по названию, это такой духовой инструмент.

– Знавал я один духовой инструмент. Им, если помнишь, Шерлоку Холмсу чуть было башку не разнесли.

Кархэйн не обманул. Стоило нам подняться этажом выше, под самую боевую галерею бастиды, и мы увидели сооружение, способное вызвать душевный трепет последователя премудрого Архимеда. Хитроумная система колес была связана с кузнечными мехами, такими большими, что, вероятно, некогда они принадлежали самому Виланду⁴ – отцу мечей. От мехов к стенам отходило множество труб разной толщины и конфигурации, бесследно исчезающих в скальном граните постройки.

– Вот он, органон, – гордо произнес Кархэйн, словно представляя нам своего закадычного друга. – Кельты отважные бойцы, – пояснил молодой рыцарь, – но весьма боятся злых духов, бродящих по земле в ночное время. Когда-то римляне подметили эту черту своих врагов и стали сооружать такие органоны.

Юноша подошел к колесу и с некоторой натугой начал вращать его. Зубчатая передача сдвинула остальные колеса с места, и меха стали подниматься словно сами собой, вздымая вверх тяжелые каменные пластины прикрепленного сверху груза. Наконец они раздулись, в механизме что-то щелкнуло, и воздух со свистом устремился в невероятно огромный просмоленный кожаный мешок, до того безжизненно лежавший на полу. Каменный груз тянул меха вниз, выдавливая остатки воздуха. Затем все повторилось снова, и так еще несколько раз, пока надувшийся мешок не занял половину зала.

---

⁴ Виланд – у скандинавов бог-кузнец.

– Теперь слушайте. – Кархэйн устремился к мешку и повернул ему одному известный ворот. Окрестные скалы опять завывли, заголосили, захохотали сумасшедшим хохотом, несомненно, усиливая эффект, произведенный незадолго до того.

– Капитан, шоб я так жил! Я понял, шо это такое. Это же волынка! Обычная шотландская волынка. Римляне срисовали ее у бедных скоттов и довели, сам видишь, до чего.

– Я думаю, все было наоборот. Скорее всего скотты обнаружили в развалинах бастид этот прибор для вызова духов, ну и смастерили себе нечто подобное с той же целью.

– Но это еще не все, – гордо заявил юноша, принимая наше молчание за знак одобрения. – Если сие оружие может лишь отпугнуть дикарей в ночное время, то «адское жерло» воистину способно разить врага не хуже, чем молнии древних богов. Эй, Гир! – Кархэйн кликнул давешнего валлийца, уже вернувшегося и дежурившего у тела погибшего рыцаря в ожидании распоряжений. – Иди сюда, помоги мне переставить меха на «адское жерло».

Валлиец, вероятно, не раз уже проделывавший подобную операцию, споро принялся за дело, с натугой отсоединяя кожаный мешок и свинцовые трубки от нагнетателя.

– На вот, крепи. – Новоиспеченный рыцарь указал своему помощнику на лежащую поодаль емкость для сжатого воздуха диаметром поменьше и стал что-то прилаживать к трубе, торчавшей из потолка. – Слушай меня, Гир, – скомандовал он, закончив свое дело. – Мы идем наверх, к «адскому жерлу», а ты надувай бурдюк. Когда я скомандую, откроешь затвор.

– Я все понял, сэ, – почтительно поклонился валлиец.

По своему внешнему виду «адское жерло» более всего напоминало легкую корабельную пушку конца XIX века. Правда, ствол ее, скованный из отдельных железных полос и обхваченный множеством толстых обручей, оставлял желать лучшего, но в целом орудие производило весьма внушительное впечатление.

– Подождем до утра, – глядя на начавшее светлеть небо, сказал Кархэйн. – До рассвета они не нападут.

– Вероятно, ты прав, – кивнул я.

– Одно плохо, – продолжал молодой рыцарь. – «Адское жерло» невозможно повернуть, оно поражает лишь дорогу, выходящую из ущелья. К тому же, – он печально вздохнул, – у нас к нему есть лишь пять зарядов.

– И скорострельность маловата, – глядя вниз с башни, добавил Лис. – Хотя, уж какая тут к, бениной бабушке, скорострельность! Торвальд, может, мы их все же медовухой попотчует? Потому как если после пятого выстрела этой бандуры войско не разбежится, боюсь, они ее затолкают нам... ну, ты догадываешься куда. Сам посуди: стрел у нас осталось – пшик; бойцов – раз-два и обчелся; смолы – разве что с бурдюков наскоблить. Масла нет, воды чуть-чуть, камней – и тех как кот наплакал. Держаться нечем, а помирать здесь за ради ваших любителей древностей мне отчего-то совсем не улыбается. Дома меня не поймут. Так что давай попробуем с медовухой. Так уж и быть, бери все, – Лис набрал в легкие воздуха, делая в уме какие-то сложные подсчеты, – восемь бочек.

Я рассеянно слушал речь старого друга, вглядываясь туда, где за неприступными крепостными валами, должно быть, так же ждал рассвета отважный герцог Ллевелин и со смешанным чувством внимал радостному щебету первой проснувшейся на равнине птахе.

– Подумай, – не унимался Рейнар. – Медовуха – это наш троянский конь, только навыворот. Так сказать, образчик нашего пламенного радушия.

– Что? Что ты сказал? – Я резко повернулся.

– Выкатить медовуху...

– Да не то! Потом!

– Пламенное радушие...

– Именно! Лис, ты умница! Так. Разводи костры. Все, что может гореть, – в огонь. Не будет дров, бросай в огонь скоттов. Возьми самые большие чаны, какие только найдешь, лей в них вересковый мед и доводи до кипения.

– Ты чего, Капитан, башкой повредился?! Какого рожна! Он же испортится!

– Ничего, зато мы целее будем.

Скотты и союзные им пикты, в общем, вся каледонская рать, не обманули наших ожиданий. Их толпы двинулись на бастиду, едва вошло солнце.

– Блин! И все ж на наш реду! – выругался Лис, старательно выцеливая среди сотен атакующих тех, кто хоть отдаленно мог напоминать командиров. – Притомило меня это народное ополчение! То ли дело регулярная армия: старших перебил – и вся любовь.

– Давай! – скомандовал Кархэйн, и я услышал, как сжатый воздух, вырвавшись из бурдюка, ударил в импровизированную пушку. Нечто кроваво-красное, оставляя огненный след, вылетело из ствола, подгоняемое попутным ветром, и, взлетев над забитым народом ущельем, опало вниз плащом липкого пламени. – Накачивай! – вновь скомандовал Кархэйн.

Выстрел на какое-то мгновение заставил атакующих отшатнуться, но отнюдь не ослабил их наступательного порыва.

– Давай! – спустя несколько минут вновь заорал юноша, и новый снаряд устремился к нескончаемым рядам каледонцев. Мятажники были уже совсем близко, и теперь огненные заряды могли поражать лишь раненых и отставших, не принося особого ущерба атакующим.

– Лейте мед! – скомандовал я, едва полуголая толпа начала скапливаться под стенами. Последних защитников бастиды не надо было упрашивать. Вопли и стоны обожженных казались ответом на мой окрик. Вторая волна накатилась на гранитное основание куртины и вновь отпрянула назад, изведав нашего «пламенного гостеприимства».

– Ну где же, где же они? – цедил я сквозь зубы, наблюдая за поведением раскрашенной толпы. – Я же видел, они тут есть.

«Они» появились минут через десять, может, чуть больше. Я увидел, как один, второй, третий каледонец, начисто забыв о цели атаки, с остервенением отмахиваются от наших мелких, жужжащих союзников, оставивших ради столь изысканного лакомства опыление вересковых пустошей.

– Надеюсь, это их отвадит, – глядя, как жужжа, кружится рой, как все более захлебывается наступление, совсем недавно казавшееся неудержимым, усмехнулся сэр Кархэйн. – Лишь бы меду хватило.

– Полагаю, до полудня продержимся. А там, возможно, Ллевелин с войском подойдет.

– Возможно, подойдет, – как-то неожиданно мрачно заявил Лис, казалось, начисто не замечающий успеха нашего маневра. – Вопрос только в том, что он здесь застанет. – Он ткнул пальцем в тропу, по которой вчера вечером поднимался наш небольшой корвалант.⁵

Там, ярах в ста перед воротами, восседая на прекрасных скакунах, привезенных с зеленых берегов Эйрэ, сколь видел глаз, строился рыцарский отряд, окруженный сонмищем прекрасно вооруженных пеших слуг.

– То все шелупонь была, босота местная. Этих-то чем угощать будем?

Я всмотрелся в черное знамя, развевавшееся над строем. На нем золотой ворон клевал глаза сраженному золотому дракону.

– Это Ангус, принц Горры, – негромко кинул я, словно имя стоящего перед нами врага имело сейчас какое-то значение.

– Точно, Ангус из рода Хеттенов, – подтвердил мои слова Лис. – Сын убиенного короля Шнека Хоттена.

---

⁵ Корвалант – передовой отряд.

– М-да, – вздохнул я. – Теперь, пожалуй, уповать мы можем только на милость небес.

Глава 4

*Чудеса – моя профессия.
Гарри Гудини*

Рыцарское войско принца Ангуса держалось в стороне от общей схватки, словно ожидая, когда окончательно обескровленная бастида будет готова к нанесению завершающего победного удара. И сколько бы ни проливалось крови полуголых, едва вооруженных скоттов, оно ждало, не вмешиваясь в бой, зная, что слава победы все равно достанется их вождю. Если, конечно, от такой победы могла быть слава.

– Шо ж им все неймаеся? – недовольно пробормотал Лис, откладывая в сторону ставший уже бесполезным лук и вытаскивая из ножен пару коротких мечей, не раз служивших ему хорошей подмогой в ближнем бою. – Ведь только ж время теряют. Оставили бы здесь человек сто и ломились себе на Ллевелина или этого Пеньюра, которому Артур побежал помогать.

– Это скотты, – вздохнул я. – Они с тактикой не дружат. Достаточно было заблокировать бастиду и идти дальше. Такой штурм – лишь пустая потеря времени. Сейчас Ллевелин уже успел подготовиться. От вала их, вероятнее всего, отобьют, зато оставшиеся в живых смогут рассказать, как геройски они сражались при штурме этой сторожевой башни.

– Но нам-то с тобой от этого ни холодно ни жарко. Нас здесь затопчут и прикопают, даже имени не спросят. Слышь, – Лис заговорщически оглянулся на Кархэйна, возившегося с духовой пушкой, и перешел на шепот, – может Базу вызовем? Пришлют сюда спасательного дракона...

Ему не удалось завершить свою мысль. Мрачная картина приготовлений к нашему смертоубийству была смазана появлением нового лица. Даже среди этой, порой весьма карнавально разряженной толпы лицо, вернее, его обладатель отличался некоторой экстравагантностью. Человек этот, наделенный от природы немалым ростом и, очевидно, недюжинной силой, был так старательно изможден, что, казалось, даже набедренная повязка, опоясывающая его чресла, нуждалась в подтяжках, чтобы не спадать. Собственно говоря, повязка эта составляла весь костюм неизвестного. Единственным дополнением к ней были тяжелый наперсный крест, закрывавший едва ли не половину груди незнакомца, и сучковатая палка, исполнявшая роль дорожного посоха. Длина волос его, седых и спутанных, свидетельствовала о том, что сей Самсон так и не встретил своей Далилы, и то жалкое состояние, в котором он нынче пребывал, являлось результатом его личного выбора. Впрочем, несмотря на телесную немощь, странный путник, похоже, был отменно бодр и абсолютно не сомневался в верности свершаемых им дел. Как ни в чем не бывало, растолкав рыцарскую свиту принца Ангуса, он прошагал к крепостным воротам, остановился и, раскинув руки крестом, возопил:

– Опомнитесь! Истинно вещаю вам, что настанут последние дни, ибо придет день Бога! И будут в день суда Божия все люди собраны от востока до заката пред Отцом Предвечным и Вечно Живым. И Он повелит аду, чтоб отверз свои стальные засовы и отдал все, что есть в нем. Падите на колени и призовите на себя милость Божью, ибо теперь взыскуете вы земных благ и алкаете крови брата своего. Но наступит час, и в стенаниях призовете вы к милосердию Божию в один голос: «Смилуйся над нами, ибо теперь мы познали суд Бога, который возвестил Он нам прежде, а мы не поверили». И явится ангел Тартарух и казнит вас с еще большими муками, говоря: «Теперь каетесь вы, когда нет более времени для покаяния, и не осталось уже ничего от жизни». Спрячьте же оружие свое и покайтесь, ибо истинно говорю вам, близок сей день!

– Слушай, это шо-то с чем-то! – потрясенно глядя на проповедника, восхитился Лис. – Ты только погляди, как им этот йог мозги заправляет. Прямо шо твой Арамис: «Слышу гла-ас Бо-ожий!» – При этом он замахал руками, словно пытаясь взлететь.

– Боюсь, что это нам не поможет, – мрачно хмыкнул я, указывая на нескольких пехотинцев, по приказу Ангуса отделившихся от общего строя и теперь направляющихся к вещуну.

– Господи, да это же святой Каранток! – вдруг ни с того ни с сего завопил сэр Кархэйн, обнажая меч и бросаясь к ведущему вниз люку.

– Куда?! – успел схватить его за плечи Лис. – Жить надоело?!

Сэр Кархэйн возмущенно сбросил руки Рейнара со своих плеч.

– Это святой Каранток, сын короля Уэльса Берримора. Моего короля. Как верный вассал я обязан спасти жизнь королевскому сыну. Как добрый христианин я должен выволить святого из рук нечестивцев.

– Уж не знаю, какой он там святой, – пробормотал я, – но текст он шпарил из апокрифического апокалипсиса святого Петра. Впрочем, кого здесь волнуют подобные мелочи?

– Как ты собираешься его спасти? – пытался урезонить нашего боевого товарища Лис. – У нас после утреннего штурма осталось не больше десятка бойцов. Стоит тебе открыть ворота, и тут же все флаги в гости будут к нам.

– Значит, я умру, выполняя свой долг, – не унимался недавний оруженосец, пытаюсь вырваться из цепких лисовских объятий. – Погибну, как подобает рыцарю!

Следя вполглаза за этой перебранкой, я не упускал из виду ни крепостного двора, где, похоже, назревал небольшой мятеж, ни картины предуготовления святого Карантока к роли великомученика. В то время, когда солдаты Ангуса, сбив с ног сына валлийского короля, ожесточенно пинали его древками копий, соотечественники избиваемого принца, составлявшие на данный момент почти половину оставшегося гарнизона, с яростью, достойной лучшего применения, пытались прорваться к воротам, стремясь поскорее открыть их и прийти на помощь местнотчимому святому. Стоит ли говорить, чем бы закончился этот бой. Стоит ли говорить, чем грозил нам всем этот бунт внутри бастиды.

Вот уж воистину, когда пессимисты говорят: «Хуже некуда», – оптимисты спешат их утешить: «Не волнуйтесь, есть». Если это и есть милость небес, на которую мы уповали, то, пожалуй, без нее было спокойнее.

Внезапно Лис, уже сваливший Кархэйна и прижимающий теперь его к полу, отвлекся от своего занятия и начал вглядываться в горизонт. Это было опрометчиво с его стороны, поскольку, воспользовавшись заминкой, молодой рыцарь пинком колена сбросил с себя противника и все же устремился вниз по лестнице.

– Капитан! – поднимаясь на ноги, крикнул Рейнар, указывая пальцем в небо. – Похоже, это дракон. Или База с катером расстаралась?

Я вгляделся в стремительно увеличивающуюся точку, мелькающую среди высоких облаков. Она все приближалась, и теперь я мог рассмотреть ее получше.

– Это не дракон. И, увы, не катер. Это виверна.

– Кто? – переспросил Лис.

– Виверна. Тоже ничего себе обитатель бестиария. Но специфический. Наш, британский. Вместо четырех лап две, размеры поменьше, хвост заканчивается не копьевидно, а эдаким костяным образованием вроде шестопера. Летает значительно быстрее дракона, вместо пламени изрыгает невыносимое зловоние. Ну и опять же встречается только на наших островах.

– Молодец, Вальдар. Садись – отлично. Просто не человек, а британская энциклопедия молодых сурков. Ну и что теперь прикажешь делать с этим птеродактилем?

– Вот с этой напастью, надеюсь, нам ничего делать не придется, – глядя на стремительно пикирующую тварь, усмехнулся я. – Похоже, это не по нашу душу.

Словно подтверждая мои слова, снизившаяся виверна вышла из пике в какую-то невероятную глассиду и, сложив крылья, врезалась в строй рыцарской конницы принца Ангуса. Человек пять всадников вылетели из седел, давая ужасной твари возможность плавно затормозить. И тут же воздух наполнился таким истошным воплем и непереносимым смрадом, кото-

рый даже здесь, за сто ярдов от происходящих событий, вызывал страстное желание забиться в угол и вернуть обратно все съеденное на этой неделе.

Рыцарский отряд, еще минуту назад пугавший грозной стройностью своих рядов, перестал существовать буквально в мгновение ока. Обезумевшие кони, сбрасывая ошеломленных седоков, мчались сквозь боевые порядки голоногого ополчения, падали, спотыкаясь на каменной осыпи, кувыркались, ломая шеи и давя цвет каледонского рыцарства. Во всей этой сумасшедшей карусели, подобно взбесившейся стрелке компаса, крутилась на месте виверна, раздавая перначеобразным хвостом удары направо и налево. Она щелкала зубастой пастью с выдающимся вперед гипертрофированным клыком-клювом и издавала при этом такой отчаянный вопль и такое зловоние, что казалась явным исчадием ада, вырвавшимся на белый свет, чтобы пожаловаться на злые муки и притеснения, чинимые несчастному монстру в геенне огненной.

– Вот это птичка! – зажимая нос, восхищенно произнес Лис, наблюдая разрушительный эффект приземления виверны. – Ангел Трахтарарах в полный рост. Вальдар, купи мне такую! Я заслужил! У меня в конце концов моральный ущерб за неиспользованный отпуск.

В это время валлийская «партия», усиленная Кархэйном, одержала верх над «партией» наемников и, расшвыряв тяжеленные брусья засовов, сквозь распахнутые ворота бросилась в атаку, спасая своего святого принца Карантока. Стоит ли говорить, что молодчики, избивавшие его, поспешили сделать ноги, едва чудовище спикировало в гущу воинов принца Ангуса. Однако их бегство не облегчило задачи Кархэйна и его товарищей.

Лишь только они приблизились к распластанному на земле телу, как закованная в бурю чешую тварь, неуклюже переступая когтистыми лапами, засемила к лежавшему без чувств святому, расправляя на ходу мощные кожистые крылья и угрожающе щелкая пастью на бегущих к нему людей.

– Вот чудеса. – Я повернулся к Лису, с нескрываемым интересом наблюдающему за происходящим. – Одно из двух: или виверна прилетела сюда, чтобы съесть именно валлийского святого, или же...

– Или же это у него что-то вроде ручного попугая.

Между тем виверна, невзирая на внешнюю неуклюжесть, умудрившаяся добежать до Карантока быстрее наших сотоварищей, сложила крылья наподобие шалаша и, упрятав в них незадачливого оратора, буквально заворковала над безжизненным мучеником: «Ур, ур...»

– Ну, кажется, с вопросом принадлежности виверны все ясно. Вопрос теперь в другом: как же наши молодцы святого из-под этой крошки выколупывать будут?

Честно говоря, меня эта проблема занимала менее всего. Я видел, как исчезает в глубине ущелья знамя с поверженным драконом, как буквально разбредается потерявшая объединяющий внутренний костяк мятежная толпа и как вдали, со стороны Адрианова вала, движутся стяги идущей нам на выручку подмоги.

* * *

Я с невольным удивлением и почти жалостью глядел, как приближаются к воротам истерзанной бастиды воины Стража Севера: десяток рыцарей и сотни полторы утомленных скорым маршем пехотинцев Ллевелина. Сами того не зная, они, пожалуй, должны были считать этот день одним из самых удачных в своей жизни. Стоило им прийти сюда на час-другой раньше, и вряд ли кто-нибудь из гордых нечаянной победой воинов наблюдал бы сегодняшний закат.

Теперь же отряд приближался к крепостице, распустив рыцарские флаги и распевая что-то очень бодрое и задорное. Впрочем, в триумфальном шествии их ожидала весьма серьезная преграда.

Преграда продолжала щелкать зубастой пастью, настороженно клекотать и испускать густые клубы непередаваемого сероводородного зловония, стоило кому-то попытаться приблизиться к укрываемому под сенью крыльев святому. Быть может, отряд Ллевелина и не делал бы подобных попыток, поскольку никто из вновь пришедших и подозревать не мог о злоключениях несчастного мученика веры, но никакой иной возможности проникнуть в бастиду попросту не было, а впавшая в экстаз виверна уселась как раз поперек тропы, ведущей к воротам.

Я видел, как доблестные рыцари начали опускать копыя, намереваясь сбросить страшилище или хотя бы заставить его взлететь. Это был, несомненно, бесстрашный, но в общем-то опрометчивый шаг. Природа-матушка щедро наделила виверну всем необходимым для выживания в самых суровых условиях.

Пожалуй, единственным реальным ее врагом был все тот же дракон, у которого эта вороватая тварь регулярно норовила стащить из-под носа лакомые куски добычи. Да еще, вероятно, единорог. Но, насколько мне было известно, при одном приближении сего обожателя невинных дев виверны устремлялись в паническое бегство с максимально возможной скоростью. А уж чего-чего, но скорости полета им было не занимать. Дракон по сравнению с ней выглядел примерно так же, как тяжелый бомбардировщик рядом с истребителем.

Небо было стихией виверны. Если на земле ее переваливающаяся походка казалась неуклюжей, то в воздухе, скажем, попытка попасть в нее из катапульты была подобна попытке поразить солнечный зайчик. Прибавьте к портрету этого милого существа пасть с зубами в четыре ряда, способными благодаря особому строению челюстей перемолоть в мелкий фарш целую корову, восьмидюймовый хвост, один удар которого превращал в барельеф на ближайшей скале любого приблизившегося смельчака, и уже упоминавшееся выше зловоние, вам сразу станет ясно, что ручное животное валлийского святого представляло собой весьма сомнительный подарок для тех, кто намеревался проникнуть внутрь крепости.

Конечно, вполне действенным средством против нее мог быть один из великих мечей. Но, во-первых, вряд ли у кого-то из присутствующих здесь, кроме меня, таковой имелся, а уж я без противогаза ни в какую бы не согласился сражаться с виверной. А во-вторых, мне казалось несправедливым пытаться покарать и без того огорченную тварь, старательно охраняющую своего хозяина от скопища недружелюбных вооруженных людей.

Не знаю, сколько бы могло еще продолжаться это противостояние, но тут из-под хвоста напрягшейся для контратаки рептилии выползло нечто, при ближайшем рассмотрении оказавшееся богобоязненным сыном уэльского короля. Покрытый ссадинами и кровоподтеками проповедник приподнялся на локтях и, очевидно, разглядев сквозь затянутые кровавым туманом ресницы толпу вооруженных людей, продолжил с того места, на котором его столь бесцеремонно прервали.

– Сложите оружие и покайтесь! – с трудом разлепляя губы, прокричал он, и в тот же миг сэр Кархэйн со своими валлийцами, все еще не оставивший попыток подойти поближе к злосчастному отпрыску своего сюзерена, рухнули на колени, увлекая своим примером остальных защитников бастиды. Очевидно, произошедшее несколько успокоило рыцарей деблокирующего отряда. Копья стали подниматься подвысь, мечи, уже было обнаженные, возвращаться в ножны и...

– Интересно, – Лис, наблюдавший происходящее, стоя на боевой галерее рядом со мной, задумчиво почесал затылок, – они здесь что, впрямь решили устроить сеанс массового покаяния и самолупцевания? Капитан, тут одно перечисление грехов рискует затянуться до второго пришествия! Эдак мы здесь зимовать останемся. Пора брать безвластие в свои руки.

Не знаю уж, как мой друг планировал воплощать свои намерения в жизнь, но в этот момент виверна, вероятно, удовлетворенная картиной всеобщего умиротворения, расправила крылья и, переступив с ноги на ногу, свечой взмыла в небо.

– Хо-орошо пошла! – покачивая головой, резюмировал Рейнар. – Высоко. Значит, дождя не будет.

– Что?

– Ну, примета есть такая. Если виверны к земле жмутся – это к дождю.

– Правда? – удивился я, отмечая, что подобной информации о нравах виверн у меня до сих пор не было.

– Капитан, очнись! – Лис шутливо ткнул меня кулаком в плечо. – Ты какой-то сегодня квелый. Недоспал, что ли?

Тут только я понял, что хочу есть, спать и принять душ, причем желательно одновременно. И что большей части этих желаний, уж во всяком случае сегодня, не суждено осуществиться.

– Ладно, – махнул рукой я, – пошли порядок наводить.

Носилки, закрепленные между двумя конями, немилосердно трясло, но это было лучшее, что мы могли предложить до крайности избитому святому, поскольку ни держаться в седле, ни уж тем более идти пешком он никак не мог. Окруженный заботами сэра Кархэйна, он пришел в чувства и мог уже поддерживать, хотя и с трудом, беседу. Но для излечения многочисленных травм, полученных им, требовались условия более комфортные, чем разоренная бастида, а также целебные мази и заботливый уход, которых здесь взять было негде.

Мы возвращались в Кэрфортин, в замок герцога Ллевелина, дальнего родственника короля Уэльса и самого валлийца родом, у которого Каранток имел шансы встретить радушный прием. Перед отъездом ко мне подошел Кархэйн, остававшийся новым комендантом бастиды и, глядя на меня с виноватым упрямством, сказал негромко:

– Сэр Торвальд, если вы сочтете, что нынче утром я поступил неверно, что я преступил законы рыцарства, дайте лишь знак, и я верну меч, которым опоясал меня покойный сэр Богер, и предстану перед высоким судом герцога Ллевелина.

Я посмотрел на сконфуженного юношу, в душе, несомненно, уверенного в правоте содеянного, и, лишь улыбнувшись, хлопнул его по плечу:

– Победителей не судят.

Что я мог еще сказать? Рыцарство и дисциплина, к моему сожалению, были понятиями из разных словарей. Не счесть, сколько сражений было проиграно лишь оттого, что кому-нибудь из славных палладинов пришло в голову исполнять свой рыцарский долг, а не следовать приказам командования. Конечно, не прилети в нужный момент виверна, не устрой она этого кордебалета, наша беседа могла и не состояться вовсе. Но она прилетела. И, стало быть, сегодня этот упрямый валлиец, быть может, впервые в жизни является победителем. А их не судят.

Теперь, сменив на посту коменданта убитого господина, молодой рыцарь развил кипучую деятельность, формируя из подкрепления новый гарнизон бастиды. Я с интересом следил за ним, невольно лоя себя на мысли, что прилет виверны спас от гибели, в сущности, и этот небольшой отряд. Впрочем, откуда было знать Ллевелину размеры грозящей нам опасности? А знай он о них, прислал ли нам подмогу? К чему ослаблять свои силы в полевом сражении, когда есть возможность держать врага под крепостными стенами, изматывая его и оставаясь при этом неуязвимым. Однако все сложилось как нельзя лучше.

Мы возвращались в Кэрфортин, кони шли шагом, стараясь не раструсить и без того измочаленного святого. В небе над нами, то снижаясь до бреющего полета, то вновь тараня облака, носилась виверна, и лишь недовольное фырканье скакунов, которым они встречали каждое приближение зубастой твари, вносило темную ноту в радужную картину сегодняшнего дня.

– Святейший, – ехавший рядом со мною Лис наклонился над Карантоком, – если можно, поделитесь опытом, где нынче отворачивают таких благовоспитанных виверн?

– Отвернись от зла, и сотворишь благо, – не открывая глаз, продекламировал просветленный валлиец. – Слово божественной истины и камень способно обратить в патоку.

– Хм, весьма ценное свойство. Особенно для кулинарии. Но все же, м-м... Расскажите, как вы с ней познакомились?

– Лис, – оборвал я напарника, – отстань от человека. Ему и так плохо.

– Да ну, какое плохо? Это уже хорошо, – отмахнулся Рейнар, вероятно, всерьез решивший привезти в подарок дорогой мамаше такую птичку. – Не, ну конечно, если это секрет...

– Пути мои в руце Божьей, – гордо признался проповедник, делая соответствующее вступление в повествование о своем знакомстве с виверной.

– Да мы так и поняли, – поспешил заверить его Лис.

– Тогда я проповедовал слово Божье язычникам Эйрэ. Но как-то, выйдя на берег моря, я почувствовал в душе своей необоримое желание следовать в иные края, чтобы открыть свет истины доныне блуждающим во мраке. Я бросил свой алтарь в бурные волны и последовал за ним.

– Это мощно, – восхитился Лис. – С волны на волну? Или так, вплавь?

Честно говоря, мне тоже было любопытно, как святой путешествовал по морю. Но он начисто игнорировал лисовский вопрос.

– Господь привел меня в устье реки Джуллит, в город, именуемый Диндрайтоу, где правил король Кедви. Артур, сын Утера Пендрагона, как раз был его гостем. Я пришел ко двору их и спросил, не видели ли они мой алтарь?

– Скоростная утварь попалась, – посочувствовал Рейнар. – За ним глаз да глаз нужен.

– Однако великое горе постигло в те дни народ, которым правил король Кедви. Быстрокрылая виверна разоряла пастбища, воруя овец, коров, а иногда нападавая и на людей. Никто из рыцарей не мог изловить и поразить ее. Этою напастью были заняты дни Артура и его союзника Кедви. Они не желали слушать мои вопросы, но я настаивал. И тогда Артур сказал мне: «Изгони чудовище из этих мест, и я верну тебе алтарь». В великой печали пошел я к той пещере, где, по словам пастухов и охотников, обитала виверна, ибо сами вы узрели, сколь ужасен облик ее. Я же с молодых ногтей дал обет не прикасаться к оружию, не ведать иной защиты, кроме промысла Божьего. Однако длань Господня разверзлась надо мной, и не было страха в душе моей. Дойдя до логовища злобной разорительницы, я простер к ней руки и рек ей словами Писания, моля прекратить злодеяния. И только бальзам предвечной мудрости коснулся ее дикой души, виверна прибежала ко мне, стелая, и пошла за мной, как теленок за маткой.

– Во как! – продолжал восхищаться деяниями неустрашимого святого Лис. – Божье слово и виверне приятно.

– С тех пор следует она за мной повсюду, что ни день приобщаясь к кладезю непререкаемой истины, блюдя заповеди Господни.

– То есть как? – удивился я.

– Не убий, не укради...

– Как же она бедная живет? – перебил святого не на шутку встревоженный участием бедного животного Лис.

Тот неожиданно замялся, однако потом с напором заявил:

– Ее подкармливают. Крестьяне. – И, произнеся эти слова, Каранток, видимо, счел тему закрытой и откинулся на носилках.

– По-моему, ты спросил что-то лишнее, – транслировал я Лису.

– Не, ну интересно же! Такой твари, судя по ее размерам и энергозатратам, в день нужно, пожалуй, две-три коровы. Или небольшая отара овец. Где-то ж она их берет? Или ты в самом деле можешь представить себе английских крестьян, добровольно готовых потчевать своими стадами этакую животину?

Да, что бы ни говорил святой, верилось в такое с трудом.

– А что ж алтарь? – поинтересовался один из рыцарей, ехавший рядом с нами.

– Алтарь, – словно вырываясь из мира своих мыслей, рассеянно бросил валлиец. – Да, все хорошо. Артур вернул его. Он использовал сию вещь в качестве стола, но с него все падало.

– Вот истинный образец христианского смирения и жертвенности, – с восторгом заявил мой напарник. – Действительно, на хрена ему нужен стол, с которого все падает? Пусть лучше алтарем будет.

Мы возвращались в замок Кэрфортин, где, как надеялись, нас ждала хотя бы часть разгадки задачи, подкинутой старым затейником Мерлином. Замок был все ближе, солнце клонилось к закату. Благодетельная виверна, носившаяся над нами, в один момент куда-то исчезла, но позже появилась, явно довольная жизнью. Кони вновь встретили ее появление негодованием. Каранток, лежа на носилках, вновь вещал избранные отрывки из священных текстов, призывая всех одуматься и покаяться. В общем, жизнь шла своим чередом, как ей и надлежало идти.

Кэрфортин встретил нас предподходной суетой. Двор его был забит рыцарями, в равнине и на холмах близ староримской дороги строилась пехота, ревели впряженные в обозные повозки волы, носились, передавая распоряжения, оруженосцы герцога. Все свидетельствовало о том, что собранное у Кэрфортина войско готовится к форсированному маршу.

– Капитан, – глядя на воинственные приготовления, кинул мне Лис, – мне отчего-то кажется, что сегодня нам спать опять не придется.

Я лишь вздохнул, высматривая ближайшего армигера⁶ в котте с герцогским гербом.

– Эй, малый! – остановил я одного из них. – Я Торвальд Оркнейский, рыцарь Круглого Стола. Где мне найти герцога Ллевелина?

– Там, сэр. – Юноша ткнул рукой в сторону одной из башен замка. – Там вы его найдете без труда.

Его слова были истинной правдой. Едва лишь стоило нам пересечь заполненный вооруженным людом двор, как мы наткнулись на самого хозяина замка, энергичным голосом раздающего приказание начальникам отрядов.

– Факелов. Больше факелов! Как можно больше! Ты, сэр Мерриот, бери своих и, не дожидаясь нас, отправляйся вдоль вала. Вели моим именем комендантам башен разложить костры поярче. Отельвин, посади лучников на возы. А, сэр Торвальд, я рад, что ты вернулся! Твой меч нам будет очень кстати. Кто это с тобой? – Взгляд герцога наткнулся на нашего израненного пассажира.

– Это святой Каранток, сын короля Уэльса.

– Да! Вот как! Прошу тебя, сэр Торвальд, позаботься о нем. Сам видишь, мне недосуг.

– Что произошло? – недоуменно поинтересовался я, разглядывая окружавших меня военачальников.

– Много чего. Король Артур нагнал Мордред у озера Неиссякаемых Слез и теперь готовится к бою. Скотты, воспользовавшись этим, взяли Палладон. Король Дьюер убит. Если мы будем медлить, они ударят в тыл Артуру.

– Но оставлять Кэрфортин без войска опасно, – высказал я свое сомнение. – Здесь принц Ангус. Воспользовавшись вашим уходом, он поспешит обрушиться сюда всеми своими силами. Лишь чудо помогло нам отстоять этой ночью бастиду.

– Потом расскажешь. – Ллевелин было отвернулся, но внезапно, словно вспомнив что-то, вновь обратил ко мне взгляд: – Совет танов потребовал от Ангуса идти на Палладон. Я знаю это достоверно. Ночью у меня был надежный человек из лагеря скоттов. Так что, дорогой сэр Торвальд, полагаю, мы встретим принца там. Насколько я помню, у тебя с ним свои счеты. Передохните хоть сколько-нибудь, друзья мои. Еще до рассвета мы выступаем на Палладон.

---

⁶ Армигер – оруженосец.

Глава 5

Опоздавший к битве редко бывает прав, но чаще остается жив.
Маршал Груши

Герцог Ллевелин был прав. У нас действительно оставались невыясненные отношения с принцем Ангусом. Еще с тех пор, когда он был просто Ангусом, внуком наместника Запада Эйзла, а его отец Шнек и мечтать не мог о королевской короне. И все, чем ограничивались его мечты, – это возглавить клан Хеттенов, один из сильнейших на берегах Каледонии. Как говаривал в таких случаях Лис, много огненной воды утекло с тех пор. Кто бы мог в те дни подумать, что семнадцатилетняя Лендис из дома Бьернов, привезенная нами ко двору властительного короля Эле Рыболова, окажется его женой и королевой. Что она явится миру могущественной волшебницей, чье имя в народе будут произносить, не иначе как оглянувшись предварительно по сторонам.

В те дни я, сиятельный герцог Инистор, верный союзник короля Эле, обучал молодого Ангуса владеть мечом, и он частенько гостил в подаренном мне замке Дун-Амрос. Король Эле, без сомнения, был великим монархом. Не было числа его победам, и собранные под его рукой разрозненные земли скоттов и пиктов управлялись теперь советом танов, на котором он был лишь первым из равных.

Эле был великим королем, но семейная жизнь его продолжалась недолго. Поговаривали, что не без помощи прелестной Лендис. Уж очень скоро после смерти мужа ее новым супругом и правителем стал новоиспеченный тан рода Хеттенов Шнек. На мой взгляд, полное ничтожество, но, с другой стороны, Оркнейский дом Бьерна был далеко, а клан Хеттенов был серьезной поддержкой для молодой узурпаторши.

Шнек быстро разогнал совет танов и начал наводить в стране и ее окрестностях такой шорох, что задание способствовать созданию державы короля-цивилизатора Эле сменилось прямо противоположным. Мы с Лисом с ним благополучно справились. Очень скоро новоявленный владыка Каледонии отправился к праотцам с лисовской стрелой в груди, сделав Лендис дважды вдовой.

Вот тут-то и явил себя миру ставший уже к тому моменту принцем Ангус. Не желая связывать себя союзом с «безутешной» королевой, он, опираясь на дружину, объявил себя преемником трона. Однако молодая королева вовсе не желала уступать ему это место без боя. И хотя во многом по ее вине, мне, носившему тогда имя Эстольд Трехрукий, пришлось безвременно умереть и родиться вновь собственным братом-близнецом, я прекрасно понимал, что королева Лендис на престоле куда как более вменяема и уместна, чем ее кровожадный пасынок.

Вновь созвав танов, она подняла на борьбу с ним весьма изрядные силы. Однако неизвестно, как бы сложилась ее судьба, не реши в этот момент король Артур развивать свое завоевание на север, по ту сторону Адрианова вала. Именно я, тогда признанный эксперт в делах Каледонии, убедил Артура поддержать притязания королевы Лендис. Именно мой отряд прорвал блокаду замка Ческорт, в которую, как в мышеловку, попала неопытная в военных делах королева. Это мы с Лисом преследовали разбитого наголову принца Ангуса по горным ущельям и, пленив, в цепях, привезли его в Камелот.

К неудовольствию королевы, скрепя сердце признавшей вассальную зависимость Горры от Британии, Артур освободил тана Хеттенов и поставил их примирение одним из условий мирного договора. Замысел его был понятен. Пока Ангус, обязанный своей свободой и положением королю бриттов, был вблизи от трона Каледонии, Лендис, чувствуя его дыхание у себя за спиной, не могла вести себя чересчур самостоятельно. Но волчья верность – до первого леса. А такая одаренная особа, как моя кузина, умела находить убедительные доводы и для друзей,

и для недругов. События последних дней были тому ярким доказательством. Что же касается принца Ангуса, то нынче он был во всеоружии, и у него оставались ко мне неоплаченные счета.

Погруженный в воспоминания, я болтался в запряженной волами повозке, мучительно пытаясь заснуть, с грустью понимая, что до изобретения нормальной упряжи с подвижным дышлом осталось еще века три-четыре, а стало быть, попытки мои обречены на неудачу. Утренняя сырость забиралась под кожаный полог, заставляя плотнее заворачиваться в теплый дорожный плащ, но даже его первоклассная шерсть уже не спасала от крадущейся простуды. Повозка была загружена ростовыми пехотными щитами и кольями, которыми эти щиты подпирались при обороне, чтобы освободить руки пехоте. Снаряжение подпрыгивало и грохотало на каждой кочке, также не прибавляя спокойствия моему сну. Однако это было лучшее, что мог предложить сейчас герцог Ллевелин, и я думаю, никто бы попросту не понял нас, начни мы жаловаться на неудобство.

Возница, погонявший неспешных волов, приподнял полог и, рассмотрев в потемках мою скрюченную фигуру, начал почтительно:

– Сэр Торвальд, тут оруженосец герцога. – Он замялся. – Наш господин велит узнать, проснулись ли вы.

– Лучше бы он поинтересовался, заснул ли, – пробормотал я, приподнимаясь и получая увесистый пинок подскочившим от очередной встряски щитом. – Проклятие! Да я уже на ногах.

– Герцог зовет вас к себе, – передал возница слова скачущего рядом оруженосца.

– Сейчас буду! – досадливо кинул я, нащупывая в изголовье пояс с мечом. – Вели арми-геру подвести Мавра.

Герцог Ллевелин с отрядом рыцарей Северных графств двигался во главе колонны. Перед ним шла лишь сотня передовой завесы, прочесывавшая окрестности по маршруту движения войска.

– Надеюсь, вы хорошо отдохнули, – поприветствовал меня полководец.

– О да, прекрасно, – солгал я.

– Вот, господа рыцари, – Ллевелин положил мне руку на плечо, – кто из вас не знает сэра Торвальда, я рад представить вам его. Если кто-нибудь когда-нибудь попросит вас указать истинного героя, не задумываясь можете назвать это имя. Прошлой ночью его отвага и боевое искусство спасли от штурма Кэрфортин.

– Милорд, – я склонил голову, – мои деяния в этом бою были не большими, чем подвиги любого из моих соратников. Великой славы достоин сэр Богер Разумный, скончавшийся вчера от смертной раны, и его оруженосец, сэр Кархэйн, ставший рыцарем лишь перед гибелью своего господина. Но тот, кто истинно принес нам победу, с детских лет дал священный обет не прикасаться к оружию. Это сын валлийского короля Каранток, которого все в этих краях величают святым. И даже дикие чудовища склоняют перед ним свои головы... – Я хотел было повести Ллевелину и сопровождающим его рыцарям о чуде, свершенном святым Карантоком, а вернее, его виверной у ворот бастиды, но, пока подыскивал подходящие случаю возвышенные слова, герцог перебил меня задумчивым:

– Каранток, сын короля Берримора. Мой прадед был родным братом его деда. – Он кивнул головой и улыбнулся, словно выходя из мимолетной дремы. – Торвальд, я хочу проехать вперед, осмотреть дорогу. Прошу тебя сопровождать меня. – Он пришпорил коня, давая мне полную возможность догонять его или же оставаться на месте.

Я дал шпоры Мавру. Вряд ли герцог Ллевелин, железной рукой державший в узде своих северных баронов и неукротимых танов Горры, опасался отправляться в конную прогулку в одиночку. Пожалуй, это было неосторожно, но осторожность не входила в число рыцарских доблестей. Мой смолисто-черный скакун сорвался с шага в галоп, пускаясь вслед сахарно-белому коню герцога.

Когда мы достаточно вырвались вперед и передовая завеса скрылась далеко за нашей спиной, Ллевелин осадил жеребца, пуская его спокойной рысью.

– Сэр Торвальд, – начал он, – я хотел поговорить без свидетелей.

– Конечно, – склонил голову я и активизировал связь.

– *Не, ну это беспредел какой-то!* – раздалось тут же у меня в мозгу. – *Мало того, что подсунули эту чертову койку на колесах, так еще не дают в ней спать! По вашей милости мне придется час разбираться, где какая часть моего скелета находилась до того, как я сюда улегся. Никого здесь не интересует, что весь мой ужин состоял из куска полусырой говядины, которую я спер в замковой кухне. Так в довершение всего еще и родной напарник норовит пообщаться, когда я только-только пристроился вздремнуть в какой-то щели, как не буду говорить кто.*

– Такова жизнь, – философски оборвал я нападку Рейнара. – *Ты хочешь спать, а его светлость желает сообщить мне нечто конфиденциальное.*

– *А, на откровенность пробило! Перед боем такое бывает...*

– Когда вы отправлялись в эту злополучную бастиду, – продолжал тем временем Ллевелин, – я обещал вам раскрыть тайный смысл вашего сна. Насколько сие в моих силах, я готов сделать это. Итак, вы видели ночью Мерлина, держащего в руке пергамент, разделенный на несколько частей.

– Все обстояло точно так, как вы говорите.

– Так вот, сей пергамент действительно существует. На нем запечатлено последнее из пророчеств старого мага.

– *Чрезвычайно ценная информация,* – пробурчал Лис. – *Стоило из-за этого будить!*

– По приказу Артура пергамент был разделен на двенадцать частей. И части эти он раздал лишь ему известным людям, облеченным особым доверием. На днях он приехал в Кэрфортин и привез часть пергамента мне. До того эта часть находилась у вашего родственника сэра Говейна, увы, погибшего в битве при Бархем-Дауне. Каждый из нас, из тех, в чьих руках находятся части пророчества, обязан в случае смерти своей передать ношу достойному продолжателю по своему выбору.

– Но зачем? – Я сделал наивные глаза, стараясь вытащить из собеседника все, что ему известно.

Ллевелин поднял вверх палец:

– В пергаменте указывается, кому суждено стать королем Британии после Артура.

– *Капитан! Ну, блин, с добрым утром! Не знаю как ты, но я считаю нашу миссию выполненной. Хай они себе барюкаются, как бог на душу положит. Оно нас волнует, кто будет править после Артура? В крайнем случае прочитаем некрологи в институтских сводках.*

– *Лис, у нас есть приказ.*

– *Это у тебя есть приказ, а у меня есть твоя просьба и жгучее желание не дать тебе сунуть голову в очередную халепу.*

– *Хорошо, Лис. У меня есть приказ. Если желаешь, можешь отправляться домой и передать все, что нам удалось узнать, герцогу Норфолку.*

– *О господи! Послал ты напарника! Прости, что поступаю вопреки здравому смыслу, но надо же кому-то проследить за этой неугасимой лампадой британского рыцарства. Ладно, хрен с тобой, остаюсь. А то ищи тебя потом!*

– Спустя месяц после того как преставится наш добрый король, да продлит Всевышний его годы, хранители пророчества должны собраться в Камелоте у Круглого Стола и, сложив доверенные им части в единое целое, объявить нового короля.

– *Капитан, есть встречное предложение. Раз уж тебе так нейдет проводить отпуск в тени английских дубов, давай потихоньку отвалим отсюда, заишеримся в каком-нибудь*

замке, переждем, пока Артур кони двинет, и через месяц после этого в Камелоте всех тепленькими и повяжем.

– Ждать осталось недолго, – мрачно заявил я. – Король уже у Камланна, и, судя по летописям, оттуда не вернется. А вместе с ним поляжет и его войско. Я уверен, что в нем есть хранители пророчества, и очень сомневаюсь, что в пылу боя они успеют его кому-нибудь передать.

– Ну, знаешь! Как говорил О. Бендер: «Стулья расползаются, как тараканы». Предлагаешь после сражения обыскать сотни три убиенных рыцарей? Боюсь, нас неправильно поймут. К тому же у нас явно будут конкуренты. Что с ними прикажешь делать?

– Знал бы, давно сказал, – огрызнулся я.

– Понятно, – вздохнул Лис. – Дурдом! Давно не выполнял таких идиотских заданий!

– Если Мерлин явился вам во сне, то я готов биться об заклад, что вы избраны им, чтобы стать одним из хранителей этой тайны, – произнес Ллевелин. – Такова его воля, и я не знаю случая, чтобы она была ошибочна.

Очевидно, он еще что-то хотел добавить, но разговор был прерван появлением всадника, во весь опор несшимся в нашу сторону.

– Судя по червленым стропилам в золоте, это гонец сэра Мерриота, – взглядываясь в приближающегося курьера, проговорил Ллевелин.

Насколько я помнил, еще вчера вечером герцог отправил этого рыцаря перед основным войском с приказом предупредить комендантов башен о нашем приближении и, очевидно, вести разведку противника.

– Простите меня, сэр Торвальд. – Собеседник прищпорил коня, спеша навстречу гонцу.

Судя по аллюру, которым тот мчал, судя по загнанному виду его лошади, смысл известия в общих чертах был ясен: враг близок. Всадники встретились, и нарочный начал что-то оживленно втолковывать Ллевелину. Герцог кивал головой, похлопывая ладонью по шее своего коня и изредка спрашивая что-то у вестового. Наконец, развернув жеребца, Страж Севера во весь опор помчал обратно к боевым порядкам.

– Скотты выступили из Палладона, – прокричал он, проезжая около меня. – Возвращаемся к войску. Сэр Торвальд, вокруг озера Неиссякаемых Слез есть две дороги. Одна из них ведет в тыл короля Артура. Другая – к Мордреду. Мы не знаем, по какому пути пожелают направиться скотты. С рыцарями я попытаюсь перехватить их у развилки, но пехоту и обоз придется оставить здесь. Поручаю это вам. – Герцог махнул рукой в сторону, противоположную маячащему поблизости валу. – Выдвигайтесь к югу. Миль десять отсюда, через пустоши, можно выйти на дорогу к Камланну. Правда, наезженного пути отсюда к ней нет, но, полагаю, вы сможете провести обоз и перекрыть дорогу. Я дам вам еще дюжину рыцарей, и если, паче чаяния, нам не удастся удержать мятежников, или же каким-то образом они смогут нас обойти, ваша задача не допустить, чтобы эти негодяи ударили в спину короля.

– Капитан, соглашайся! – прозвучало в моей голове категорическое требование Лиса. – В кои-то веки сражение без нас пройдет. А то я тебя знаю, начнешь сейчас советы давать, воздушные десанты высаживать.

– Да я в общем-то и не спорю, – попытался было оправдаться я.

– Нет, ты уж это объяви, чтоб я слышал.

Что мне оставалось делать в эдакой ситуации?

План, объявленный мне герцогом, был по всем статьям неплох. И хотя я с долей сожаления провожал взглядом проносящихся мимо убранных с дороги возов верховых, в душе моей не было и тени сомнения в правильности выбранной герцогом тактики. Лишь бы рвущиеся в схватку северные рыцари не загнали коней раньше времени. Со вздохом я отвернулся от мчащейся вперед колонны. Нам предстоял путь через пустошь, путь, длиной десять миль, который лишь новичку в военном деле мог показаться пустяковым заданием.

Уж не знаю, вследствие каких геологических процессов местность была покрыта рытвинами и ухабами, словно лицо больного оспой, но выталкивать груженные возы из очередных колдобин, выравнивать их при попытке завалиться набок, менять разлетающиеся при ударе о спрятавшиеся в густой траве обломки базальта колеса, чинить разваливающиеся дышла и тянуть спотыкающихся на каждом шагу волов, негодующих из-за выбранного нами маршрута, пришлось нашей тыловой команде. Путь в десять миль мы преодолели часов за пять, а может, и больше. Но вот наконец показалась заветная дорога, и я скомандовал ставить возы в круг, образуя лагерь.

Едва суэта непременно при этом приготовлений была завершена, я послал Лиса проверить на всякий случай дорогу, а сам отправился в обход по импровизированному бивуаку, чтобы оценить количество, боевые качества и дух стоявшего под моим началом отряда. Отправленные в ближайший лес за дровами команды уже возвращались, волоча громадные охапки валежника. Походные котлы уже устанавливались на треноги, и полтора десятка коров из влачимого за войском стада последний раз глядели своими грустными глазами на толпы голодных хищников, жаждущих отведать их мяса.

– Добро пожаловать к нашему котлу, сэръ Торвальд, – услышал я крик одного из копейщиков. Лицо его казалось мне знакомым, возможно, со времен похода на Горру, а может, по каким иным сражениям. Я улыбнулся, кивая ветерану, и тут темная тень пронеслась над нами, и бронированная рептилия, вопя скандално, как содержательница портового борделя, рухнула посреди лагеря, грациозным поворотом хвоста сшибая выставленный для господ рыцарей высокий шатер.

Собравшиеся вокруг солдатские артели вначале в ужасе отшатнулись, хватаясь за оружие, но это было излишне. Зубастая тварь и не думала ни на кого нападать. Вместо этого она молча обвела собравшуюся публику настороженным взглядом и, широко расставив перепончатые крылья, заорала во все горло, заставляя броситься к лесу распряженных волов. При этом хвост милого создания, подобно кистеню, колотил во все стороны, грозя расшибить храбреца, неосторожно решившего приблизиться к беснующейся виверне.

– Слава богу, хоть еще вонять не начала, – услышал я за спиной голос того самого ветерана.

Не могу сказать, сколько бы могло продолжаться это представление, но тут, словно укротитель в клетку с тиграми, в круг, очерченный выставленными вперед копиями, протиснулась знакомая уже нам фигура валлийского святого, правда, стараниями Лиса обряженного в некое подобие верхней одежды. Под мышкой Каранток тащил вязанку свежесрезанных веток, с полуувядшей зеленой листвой.

– Угомонитесь, дети мои! – гаркнул просветленный миссионер, для полноты эффекта стукнув о землю сучковатым посохом. – Ибо сия тварь бессловесная вдохновенна именем Божьим.

При звуках его голоса виверна всхлипнула и шумно сложила крылья.

Не желая лишать Лиса подобного зрелища, я включил связь.

– *Что там у вас стряслось?* – раздалось на канале связи.

– *Ничего страшного. Виверна прилетела. Голодная. Святой, похоже, собирается накормить ее хворостом.*

– *Ну-ка, ну-ка! Хочу я это видеть!*

Между тем проповедь Карантока набирала силу.

– Ведаете ли вы, погрязшие в грехах и распутстве, – разносился над лагерем звонкий голос валлийского принца, – что заповеди Господни, кои вы попираете в день стократно, даже сия бездушная тварь Божия, сие его неразумное чадо, выполняет с превеликой радостью и безо всякого труда. Все вы видите ее, и всем вам ведомо, какую опасность для каждого из живущих

таит в себе виверна. Но, вопреки дикому нраву своему, она не набросилась ни на кого из вас, не вырвала из стада корову...

– *Точно*, – восхитился логике проповедника Лис. – *А также она ни с кем не прелюбодействовала и, вероятнее всего, не лжесвидетельствовала. Капитан, ответь мне хоть ты, как почетный доктор околосвященных наук! Какое отношение дисциплинарный устав израильской армии времен прапращура Моисея имеет к этому несчастному реликту? Куда смотрит общество защиты животных?! Впрочем, нет, это не животное. Куда смотрит общество защиты динозавров!*

Я не успел даже задуматься над его вопросом, тем более что, уж не знаю, как вышеупомянутому обществу, а мне точно было на что посмотреть.

– ...Глядите же, неверующие, – провозгласил Каранток, выкладывая перед чудовищем свою зеленую ношу, – презрите грех чревоугодия, как и она презрела его!

При этих словах виверна распахнула пасть, способную перехватить поперек спины любого из наших волов, выступающим вперед клыком-клювом подцепила вязанку и, слегка подкинув ее в воздухе, отправила внутрь. Я ясно видел, как в быстром темпе заработали челюсти-терки, размельчая в салат эту легкую закуску, и редкие обрывки листвы, кружась, падают на землю.

– *Умереть не встать!* – заявил потрясенный зрелищем Лис по каналу связи. – *Смертельный трюк! Он бы с этим номером мог объехать весь мир. Анилаги гарантированы. Кормить виверну банными вениками – это шо-то с чем-то! Полный улет!*

Между тем ящериха еще раз подняла голову, с явственным выражением тошнотной безгливости отправляя в желудок пережеванную кашницу.

– ...Неужели же вы, воочию узревшие сие божественное чудо, не отделите толику от яств своих сему высокому образцу смирения и праведности?!

При этих словах «высокий образец» вновь расправил крылья и заколотил по земле хвостом, демонстрируя явное желание подкрепиться чем-нибудь более существенным, чем древесный силос.

– Ну, дальнейшее понятно. Подайте-неминайте! Цирк-шапито и рэкет в одном лице. Вернее, в одном лице и в одной прожорливой морде.

Я мысленно пожал плечами. По-моему, наша спасительница вполне заработала свой нынешний обед. И, судя по количеству мяса, подаваемого ей на пиках воинами, они были со мной в этом солидарны.

Трапеза шла полным ходом, виверна сладострастно чавкала, заглатывая, к общей радости, все новые и новые куски мяса. Остатки туш, не скормленные ее ненасытной утробе, варились и жарились на кострах, когда на канале связи вновь появился Рейнар.

– *Але, Капитан! Ты мне тут шоу показал, я тебе тоже, так сказать, алаверды, – цирк с конями покажу. Смотри и восхищайся!* – Лис направил свой взор на «цирк с конями», и я не преминул восхититься.

Где-то там, куда нелегкая занесла лисовский разъезд, в образцовом порядке, соблюдая дистанцию между всадниками, двигался отряд в полсотни рыцарей с оруженосцами и драбантами. Клетчатые пледы, накинутые поверх доспехов наподобие древних туник, не оставляли сомнений, что перед нами цвет каледонской кавалерии. Но даже если бы подобные сомнения вдруг возникли, зная с золотым вороном, терзавшим распластанного дракона, говорило само за себя. К нам приближался принц Ангус со своей гвардией.

– Эх, как-то не вовремя наша птичка божья отказалась от смертоубийства! Если б она вчера во время посадки чуток старательнее хвостиком повертела, глядишь, сейчас и некому бы было здесь шляться. В общем, я, пожалуй, возвращаюсь. А ты уж там позаботься о приеме дорогих гостей. Принц все ж таки!

Я уважил просьбу старого друга. Когда поперек проезжей дороги вельможный принц узрел наш раскинувшийся «цыганский табор», думаю, ему стало дурно. Распряженные повозки, бродящие в задумчивости волы и возницы, в панике улепетьявающие из лагеря при приближении невесть откуда взявшегося противника. Все это наводило его на грустные мысли.

Объезжать растянувшийся без малого на полмили обоз по дикой пустоши – занятие мало приятное. Того и гляди коню ноги поломаешь. Трава по грудь, кустарники, – поди разбери, где там в них камень торчит, где ухаб прячется. Тут, пожалуй, и коня угробишь, и себе хребет поломать недолго. Стало быть, идти приходится только шагом. Но шагом неловко.

Валлийские лучники, для острастки выпустившие по приближающемуся неприятелю по паре-тройке стрел, конечно, отошли к лесу, по-рачьи пятясь, но где-то там и притаились. Чуть промедли, враз сочтут стрелами количество всадников в отряде. И с места этих упрямец не сгонишь, одно слово – валлийцы. Но ведь и скотты из того же куска глины слеплены, им тоже упрямы не занимать. И как потом прикажешь объяснять, что продвижение отборного войска остановил брошенный на произвол судьбы обоз? Невозможно такое объяснить, кто же слушать станет.

Постоял принц Ангус пред оставленными возами, покатав желваки на скулах, да и ткнул вперед копьем, указуя гвардии своей место для прорыва. Ну а что там прорывать? Оно, понятно, возы бочком друг к другу приставлены да дышло в дышло повернуты, а между ними щиты да колья: конь со всадником в броне не перепрыгнет.

Но ведь защитников-то нет! Впрочем, кого другого тоже нет. Стало быть, самим придется спешиваться и возы растаскивать. А из лагеря-то дух мясной за милю в нос шибает. Бочки с элем открыты да брошены, котлы паруют... Тут уж поневоле вспомнишь, что с утра в седле не евши. А у костров добро всякое валяется, возницами в панике брошенное: где пояс с чеканными бляхами, где плащ с фибулой бронзовой, а где и кошелек с парой монет. Для бриттов, может, и малость, ну а скотту на что-нибудь, да сгодится. И посреди лагеря шатер стоит. Большая! Поди, для самого герцога Ллевелина ставили. Там, ежели посмотреть, то может ссыкаться что-то и поценнее стертых динариев да дедовских украшений...

Я напряженно следил за лагерем, ожидая, когда же чья-то алчная рука откинет полог герцогского шатра. По всей видимости, это высокое право было предоставлено самому принцу Ангусу. И вот оно, заветное движение...

Душераздирающий визг, способный заглушить вопль участниц конгресса воинствующих девственниц, застигнутых прессой на мужском стриптизе, потряс округу. Ангус отпрянул назад, сшибая стоявших за его спиной рыцарей. Из шатра высунулась голова, щелкающая зубами и верещащая на такой высокой ноте, что листья на деревьях начали стремительно опадать, с перепугу, вероятно, решив, что наступила осень.

Когда наша объевшаяся животина устроилась вздремнуть после сытной трапезы, над ней быстрым образом возвели вышеупомянутый шатер. Я подозревал, что принц отнюдь не будет рад близкому знакомству с тварью, вчера разметавшей его войско. Но о том, что стыдливую виверну, застигнутую в неглиже, при этом охватит такая буйная истерика, я и помыслить не мог. Не знаю, что там перевернулось в ее богобоязненной душе, но рептилия визжала, стрекотала, каталась по земле, колотила хвостом, выпускала клубы зловонного дыма, и все это одновременно.

– Чего это с ней? – недоуменно спросил Лис.

– Не знаю. Ну, похоже, нам пора. – Я отстегнул с пояса рог и протрубил сигнал к атаке.

Грозный отряд принца Ангуса, еще полчаса назад бывший, возможно, самой боеспособной частью каледонского войска, перестал существовать, превратившись в небольшую банду мародеров, облаченную в доспехи. Притаившиеся в лесу пехотинцы герцога Ллевелина дождались своего часа. Ободраемые боевыми кличами, они неслись к лагерю, спеша, по возможности, взять живьем одного, а если повезет, то и двух каледонских рыцарей.

- Живьем! Живьем братья! – несло над толпой.
- Ангус! – орал я, горяча Мавра. – Где ты там, Шнеково отродье?! Ты искал меня? Я перед тобой!
- Да, битва будет жесткой, – услышал я голос Лиса за спиной. – Каши на всех не хватит.

Глава 6

О, поле-поле, кто тебя усеял мертвыми костями?
Витязь Руслан

Оружие и улюлюкающие копейщики, в большинстве своем рачительные йоркширцы, яростной толпой вливались в проходы, устроенные скоттами, проползали под возами, перепрыгивали через колья, спеша захватить добычу и вернуть оставленное в лагере добро. Как верно заметил мой друг, каши здесь хватало явно не на всех. Каледонские рыцари в отличие от состоятельных сэров Арморики не слишком богаты, но все же и за каждого из них порядочный клан, скрипя зубами и проклиная вас на чем свет стоит, может выложить десяток золотых монет. Такой шанс может не представиться больше никогда. Рыцарь на коне, да в окружении оруженосцев и драбантов для пешего ратника почти недосыгаем. Один такой сэр, не слишком напрягаясь, может разогнать, а то и перебить дюжину-полторы вчерашних охотников и скотоводов, не отвлекаясь от поисков достойного соперника для благородного сражения.

Сейчас же, внутри лагеря, было не могучее рыцарское войско, а пара сотен переполошенных вооруженных людей, начисто потерявших боевой порядок. Тут уже кто кого сломит. И перевес отнюдь не в пользу гостей.

Понимая это, каледонцы торопились сложить оружие перед немногочисленными рыцарями, оставленными герцогом Ллевелином, предпочитая плен почетный плену постыдному. Однако мой личный противник был не из таких.

Не успев вскочить на коня, он яростно рубился мечом с наседающими на него пехотинцами. Я с немалым сожалением осознавал, что полученные некогда от меня уроки не прошли даром. То один, то другой ратник падал наземь с рассеченным бедром, с отрубленной рукой, а то и с раскрытым черепом. «Остановить хорошего фехтовальщика может только пуля, – говаривал мой учитель Николя ле Фонте. – Или же превосходный фехтовальщик».

– Расступись! – рявкнул я на пехотинцев, бестолково пытающихся достать принца своими копьями. – Он мой!

Не смея ослушаться знатного лорда, а впрочем, получившие весьма достойный повод, чтобы ретироваться без ущерба самолюбию, бойцы отпрянули в стороны, образуя круг.

– Ты искал меня, Ангус? – Я остановил Мавра в нескольких шагах от тяжело дышащего принца.

– Ты, как обычно, пользуешься обстоятельствами, Торвальд, – бросил он, утирая пот со лба. – Ты верхом, я пеший. Ты свеж, а я утомлен боем.

– Передохни, – ухмыльнулся я. – Верхом? Это можно исправить. – Соскочив с коня, я встал перед сыном Шнека и вынес вперед руку с мечом. Голубоватый клинок Катгабайла хищно блеснул, предчувствуя новую жертву, и рубины в его рукояти налились кровавым светом. Он не зря именовался «Ищущим битву».

– Ты злой рок моего рода, – переводя дух, прохрипел Ангус.

Я молча пожал плечами. У меня не было желания вдаваться в дискуссию. Со своей колокольни принц был, безусловно, прав.

– Ты уже отдохнул?

– Я могу простить тебе смерть отца, могу простить то, что ты лишил меня законного венца, что привел в цепях к Артуру, но позора Эсгервуда я никогда тебе не прощу!

По-моему, противник просто тянул время. Если первые три упрека имели ко мне непосредственное отношение, то к Эсгервудскому посмешищу я был абсолютно непричастен. Оно целиком и полностью было «заслугой» Лиса.

В ночь, когда все произошло, я преспокойно спал в своем шатре, и у меня имелся тому свидетель, вернее, свидетельница. Пользуясь этим, словоохотливый Рейнар собрал вокруг себя стайку молодых оруженосцев с целью поведать неоперившимся юнцам о наших подвигах. Все бы, пожалуй, могло обойтись, но в тот момент, когда мой славный напарник живописал сплав по Миссисипи в компании с Пугачевым и Чингачгуком, закончилась та самая огненная вода, без которой повествование о походе команчей в Париж было бы просто неуважением к нашим краснокожим друзьям.

Посетовав на злую судьбу и скаредность маркитантов, не желающих отпускать в долг живительную влагу, бывший генерал-аншеф Закревский немедленно предложил продать что-нибудь ненужное. Поскольку в обозримой окрестности ненужного не нашлось, Лис по обыкновению отправился «за зипунами» в лагерь противника. Еще трое смельчаков вызвались составить ему компанию.

Говоря по чести, в каледонском стане царил полнейший беспорядок. Но утром, когда скотты, проснувшись, не обнаружили ряда оставленных не на месте предметов, они здорово обиделись. Среди трофеев криминального квартета оказалось и личное знамя принца Ангуса, прихваченное Рейнаром, чтобы завернуть вязанку мечей, собранных возле шатров.

Коммерческий успех авантюры был велик, моральный же превзошел все ожидания. Лишенное символа воинского единства и верховной власти, войско буквально растаяло, не оставив Ангусу иного выбора, кроме стремительного бегства. Но я-то тут был при чем?

– Берегись!

Миг назад гордый Хеттен стоял, опираясь на меч и метая полные ненависти взгляды, и вот острие его клинка смертельной дугой пронеслось в полудюйме от моего носа. Очевидно, заметив задумчивость на челе учителя, он решил не тревожить его попусту формальным объявлением начала боя.

– Спасибо, Лис, – передал я, уклоняясь от удара и запуская Катгабайл отшибающим ударом в горизонтальной плоскости.

Ангус был очень хорошим бойцом, быстрым, техничным, напористым, но природная горячность мешала ему стать бойцом воистину великолепным. Кипучая страсть, владевшая им, заставляла принца спешить и ошибаться. Он атаковал, опять атаковал и снова атаковал, забывая о защите и потому все больше открываясь. Я отступал, завлекая его шаг за шагом в ловушку, чуть забирая вправо, заставляя противника каждый раз дотягиваться до цели. Мои контратаки не заставляли себя ждать, но, невзирая на четыре полученные раны, Ангус все еще держался на ногах. Впрочем, пару раз и ему удалось зацепить меня по руке, и не носи я «заговоренный» институтскими мастерами доспех, кто знает, как бы сложился наш поединок.

Ангус все еще держался, но силы его были на исходе. Его очередной взмах был последним. Я ушел под меч, нанося короткий мощный удар от бедра к плечу, и едва успел отскочить, чтобы безжизненное тело каледонского принца не рухнуло прямо на меня. Толпа вокруг радостно взревела, шумно приветствуя победу вождя.

– Похороните с почестями, – скомандовал я. – Пленных сведите к шатру.

– Как самочувствие? – подводя ко мне Мавра, поинтересовался Лис.

– Отвратительно.

– Шо ж такое, доблестный рыцарь? Ты ж грозного врага изничтожил? Теперь, судя по классике, должен источать гордость. Круг почета там, фанфары трям-брям.

– Лис, ну чего ты пристал?

– Да нет, я ничего, – Лис скептически пожал плечами, – просто это задание меня отчего-то раздражает. То есть я, конечно, понимаю: судьба монархии, все понты. Но уж как-то оно пахнет частным извозом. И сейчас, когда бывший ученичок тебе в честь радостной встречи чуть было башку не снес, меня такая досада взяла, что хоть действительно плюй на все и уходи в пожарные.

– Это наша работа, – вздохнул я.

– Вальдар, наша работа, во всяком случае, мне так объясняли, – при помощи оперативного вмешательства спасать множественные миры от энергетического дисбаланса. И далее в том же духе. А здесь... То есть да, доблестный рыцарь Круглого Стола сэр Торвальд Пламенный Меч, Водонапорный Щит и так далее, может записать в актив победу над страшным и ужасным принцем Ангусом, но скажите мне, Уолтер Камдайл, за что вы, собственно говоря, мужика-то порешили? Он, конечно, был не подарок, но меня это сафари раздражает.

Я тяжело вздохнул. Мне нечего было ответить другу.

– Ладно, оставим, – махнул Рейнар. – Как там рука?

Рука опухла и с трудом сжималась в кулак. В тех местах, где по ней прошелся меч Ангуса, под гамбизоном все более и более чернели свежие гематомы. Я сидел, массируя конечность, у одного из костров, слушая доклад о наших потерях и взятых в плен каледонцах. Потери были значительно большими, чем я ожидал. Очевидно, чтобы объявить себя пленниками благородных рыцарей, их мятежные собратья с пеной у рта прорубали путь среди вооруженной черни. Только возле убитого Ангуса сложили головы два рыцаря и семь ратников. Одним словом, святому Карантоку, ставшему на время нашим полковым капелланом, было чем заняться. Отпуская грехи умирающим и утешая раненых, ходил он меж импровизированных носилок, не обращая внимания на призывное клекотание виверной подружки, кружащей над лагерем. Жизнь обоза возвращалась в нормальное русло, становясь неотличимо похожей на обыденное существование любого другого военного лагеря.

– Гонец! Гонец! – раздался крик одного из выставленных Лисом часовых, следившего за перекрытой нами дорогой.

– Сэр Торвальд. – Оруженосец в котте с эмблемой герцога Ллевелина осадил коня и, едва не выпадая из седла от усталости, начал заученно: – Мой господин велел передать, что ему удалось нагнать скоттов и, обрушившись на хвост их колонны, рассеять войско мятежников. Оно бежало, не дойдя до Камланна. Там сейчас бой. Невозможно предсказать, на чью сторону склонится чаша весов. Мой господин приказал, чтобы вы, взяв возможно больше воинов, направлялись к Камланну на помощь королю Артуру. Я с оставшимися в лагере буду охранять обоз. Но, сэр, – замаялся юноша, глядя на мою руку, покоящуюся на перевязи, – вы ранены?

– Пустое, – отмахнулся я. – Я сейчас же отправляюсь.

– *Капитан, тебя опять на подвиги потянуло?* – раздался в голове голос Лиса.

– *Какие подвиги? Нам все равно к Артуру надо.*

– *Надо*, – согласился Рейнар. – *Поэтому берем отряд и не спеша маршируем в указанном направлении. Все равно уже начинает смеркаться, пока дотопаем и вовсе стемнеет. А по ночи никто, надеюсь, рубиться не станет. Если Артур жив, то и до утра, глядишь, дотянет. А нет, так мы, пожалуй, к нему и спешить не будем. Порасспроси-ка лучших Карантока, он, часом, с душами умерших общаться не умеет? А то б мы враз спиритический сеанс устроили. Где спрята-ал наследство стару-у-ушкино?! –* внезапно патетически взвыл Лис и тут же ответил сам себе, не заставляя меня теряться в догадках: – *Под камнем на площади Пушкина.*

Если оставить в стороне сверхчувственные способности боговдохновенного валлийца, слова Лиса в принципе были верны. Желая того или нет, увязнув в заботах этого мира, мы основательно упустили время. Судя по тому, что было мне известно о камланнском сражении, шанс застать великого короля бриттов живым с каждой минутой становился все ничтожнее, а стало быть, сейчас приходилось больше думать, как дальше вести поиски, а вовсе не о том, как помочь обреченному королю победить не менее обреченного изменника Мордредра.

– Мы выступаем! – провозгласил я и, симулируя кипучую деятельность, начал готовить лучников и копейщиков к маршу.

Всю дорогу я стоически берег силы отряда, делая привал через каждый час пути. Вскоре действительно начало темнеть, и тут выяснилось, что в суматохе подготовки мы не позаботились о факелах. Экспедиция во главе с Лисом, снаряженная в ближайший лес, опасаясь заблудиться в потемках, работала не спеша, не удаляясь от передней кромки подлеска. Факелы вышли, прямо сказать, никудышными, и двигаться с ними ускоренным легионерским шагом было крайне неудобно. Ночной ветер сбивал пламя, заставляя их более тлеть, чем освещать дорогу. Промучившись таким образом еще около часа, я скрепя сердце приказал остановиться и ждать, когда начнет светать. Идти дальше по дороге, освещаемой ущербным отрезком луны, опасаясь нарваться на засаду, будь то каледонцев или сторонников узурпатора Мордредра, было глупо. Уж мне-то с Лисом, так во всяком случае.

Едва начал светлеть восток и ночная мгла сменилась темно-серым полумраком, я scomандовал отдохнувшему войску выступать, пытаюсь наверстать упущенное время. Однако нагонять ушедшие часы не удавалось никому даже в нашей странной конторе.

Когда наконец отряд добрался до Камланна, бой уже догорал. В ужасе носились по полю битвы обезумевшие лошади, потерявшие своих седоков, вороны и коршуны стаями топтались вокруг растерзанных тел, готовясь приступить к завтраку, а некоторые особо наглые пернатые падальщики усаживались прямо на грудь еще живых воинов и, невзирая на душераздирающие стоны, сосредоточенно долбили их лица твердыми как камень клювами. Кое-где еще вспыхивали скоротечные стычки, но они более походили на злобные перебранки мародеров, не поделивших драгоценную добычу, чем на остатки великого сражения.

Мы с Лисом видели такие поля множество раз. При Калке лишь доспех спас меня от участи, уготованной сегодня большей части рыцарства Англии. Мы видели подобные поля при Босуорте, при Азенкуре и Пуатье, в Святой земле и на Руси и никак не могли смириться с этим зрелищем. Вот и сейчас мы стояли на поросшем лесом холме, наблюдая картину истекающего кровью побоища, и не знали, что сказать. Одно было ясно несомненно: приведенный отряд здесь никому уже не был нужен. Разве что для устройства похорон и тризны по героям.

– Мое место там, – прервал наше молчание единственный безоружный человек в войске, столь требовательно заявивший в лагере о намерении отправиться к Камланну, что мы попросту не нашлись, как отказать упрямому пастырю. – Я должен идти туда, дабы напутствовать словом Божьим умирающих и отпустить грехи их.

– Можно подумать, без напутствия они дорогу на тот свет не найдут. Ладно, Капитан, очнись! Наше место тоже там. Давай-ка, пока здесь все не растащили, попытаемся определить, где было острие атаки. Наверняка там и Артура надо искать, и твоих одностольчан.

Я пожал плечами.

– Что определять? И так все видно. Вон торчит древко со знаменем, на котором тринадцать золотых корон в лазури, – это Артур. А вон валяется червлёный дракон Мордредра. Там же отрубленные змеиные головы в гербе сэра Эрека и пять пылающих сердец, поставленных в крест, – эмблема сэра Эктора.

– Вальдар, чем устраивать мне лекции по геральдике, поехали лучше поищем, не оставили ли покойные лорды нам на долгую память что-нибудь новенькое из старенького. А то здесь раскрашенных щитов до фига, так что если ты сейчас свои рассказы начнешь, то до полудня мы явно не управимся. А после полудня такими темпами, – Лис ткнул рукой в сторону разбойничьих шаек, старательно обирающих трупы рыцарей, – здесь и вовсе делать будет нечего.

Выведенный из задумчивости словами друга, я кивнул и, приказав пехоте рассредоточиться и ждать сигнала, начал спускаться с холма, сопровождая исполняющего свои обязанности святого. Судя по тому, что мы видели, битва на поле была ужасная. Равные перед лицом смерти мертвые воины лежали на земле один поверх другого, братски обнявшись, и теперь было не понять, кто из них и за что проливал свою кровь.

Заметив хорошо вооруженных людей, мародеры, ворча, отступали в сторону, очевидно, видя в нас возможных конкурентов. Никому из них не хотелось расставаться даже с толикой близкой добычи, но и перспектива самим стать добычей их тоже не прельщала. Наш святой приотстал, выполняя пастырский долг, мы же отправлялись все далее, туда, где в безумной сече пали лучшие сыны рыцарства Англии. Некоторые из них продолжали тихо стонать, истекая кровью, но мы ничем не могли им помочь, разве что окликнуть святого и указать ему на очередного умирающего. Вспугнутое воронье с недовольным карканьем носилось над полем, ожидая, когда мы пройдем, чтобы вновь вернуться к прерванному завтраку.

– Вон Мордред. – Я указал пальцем на рыцаря, лежащего ничком в нескольких шагах от нас.

Шлем его был расколот, как скорлупа грецкого ореха, и густая темная кровь, вытекшая из ужасной раны, образовала буроватый нимб вокруг головы.

– Вероятно, следует обыскать его.

– Ох, не люблю я это дело, – поморщился Лис, – да уж назвался груздем, лечись дальше.

– Ко мне, сэра Торвальд, – услышал я за спиной не то хрип, не то стон, – я здесь.

Слова эти, произнесенные с явной натугой, были полны все того же неизбежно командного тона, который, появившись однажды, не исчезает и на смертном одре. Я повернулся. Человек, звавший меня, был привален убитой лошадей, и кровь, сочившаяся из ужасной раны на лбу, так обильно залила его лицо и одежду, что я не сразу узнал зовущего.

– Сэр Кэй? – удивленно пробормотал я, приближаясь к раненому. – Лис, помоги-ка мне оттащить лошадь.

– Не трудись, – прохрипел королевский сенешаль, – я ранен копьем в живот и скоро умру. Небо послало мне вас, чтобы я исполнил последний долг. Когда я умру, снимите с меня кольчугу. Под рубахой вы найдете серебряную ладанку, а в ней небольшой кусок пергамента. Спустя месяц после этого дня будьте с ним в Камелоте. Это мой последний наказ.

Почти прошептав эти слова, первый и вернейший из соратников Артура закрыл глаза, и голова его откинулась назад. Он еще дышал, но кровавая пена на губах и судороги, то и дело пробегающие по телу, ясно говорили, что секунды старого рыцаря сочтены. Вот он наконец совсем затих, и мы с Лисом, высвободив сэра Кэя из-под останков лошади, начали стаскивать пробитую в нескольких местах кольчугу.

– Порядок, – тихо произнес Рейнар, разрезая кинжалом подкольчужник и нащупывая под окровавленной рубахой ладанку. – На, держи. Ты теперь законный хранитель мерлиновской рукописи.

– Похоронить бы его надо, – начал я, открывая ладанку.

– Надо, – согласился Лис. – Но сейчас времени нет. Место запомни, вернемся к отряду, пришлем команду.

– Лис... – Кусочек пергамента оказался в моих руках, я развернул его и обмер.

– Капитан, – мой напарник поднялся на ноги и начал втолковывать медленно и вдумчиво, как обычно объясняют больным детям необходимость приема лекарств, – я все понимаю. Сэр Кэй, безусловно, достоин, чтобы его похоронили с воинскими почестями. Что лежать ему здесь не подобает. Но подумай сам, нам очень повезло, что он был еще жив и смог передать тебе свою часть пророчества. Дай бог, чтоб у Мордреда тоже с собой оказалось нечто подобное. Но пока что это все. Такими темпами...

– Я не о том! – перебил я монолог напарника. – Смотри. – Пергамент, полученный мной от сэра Кэя, лег на лисовскую ладонь.

– Мама дорогая, шо ж это такое было-то?! – Глаза Рейнара удивленно расширились. – Палочки-крючки! Прямо не предсказание, а календарь Робинзона Крузо.

– Это коелбрен. Огамическое письмо. Язык деревьев. Шифр друидов.

– Ну а ты чего ждал от Мерлина? Шоб здесь по-русски написано было?

– Да, но в тех кусках, которые выдал мне герцог Норфолк, написано латиницей.

– Та-ак, – протянул Лис. – Как говаривал Винни Пух, это неправильные пчелы и, видимо, они делают неправильный мед. Капитан, поневоле образуется вопрос, шо если предсказание этого мира не совпадает с тем, которое Мерлин напороочил у нас?

– А если совпадает?

Лис вздохнул:

– Капитан. Давай-ка, для верности, протрусим еще Мордред.

Мы перевели взгляд туда, где лежало тело вождя мятежников, и обомлели.

– Вот так-так. – Лис от неожиданности протер глаза. – Вальдар, как будет правильно: трупы делятся почкованием или почкуются делением?

Там, где еще совсем недавно лежал труп артуровского бастарда в разваленном пополам шлеме, теперь располагались три убитых рыцаря в абсолютно одинаковом снаряжении с червленым драконом.

– Похоже, не обошлось без феи Морганы, – задумчиво предположил я, подходя к одному из убитых воинов. – Королю казалось, что он сражается один на один с Мордредом, а тут, как видишь... – Я сел на корточки и поднял голову ближайшего бойца, чтобы разглядеть его лицо. – М-да, это сэр Нат из Гровелина. Прекрасный был боец. Если и оставшиеся двое были не хуже, то Артуру не сладко пришлось. Пока что ясно лишь одно: вероятнее всего, Мордред жив. М-да, очень странно.

– Что здесь такого странного? – развел руками Рейнар. – Коварство Мордред плюс магические способности его мамы, вот и вся недолга.

– Оно, конечно, так, – вяло согласился я. – Но при всем своем коварстве, Мордред – человек весьма неробкого десятка. Если в жизни он чего-то всерьез и опасается, то только гнева своей матери. Он никогда не прятался от боя. А тут, – я указал на рыцарей, погибших от руки Артура, – если кто-нибудь вдруг узнает об этой истории, Мордред ожидает полное бесчестие.

– Капитан, я тебе удивляюсь! Ты столько времени прообщался с различными вельможами и все-таки ухитрился сохранить романтическое представление об их чести и благородстве. Мордреду во что бы то ни стало нужно было пережить своего папашу, что он с успехом и сделал. Кстати, Вальдар, я что-то не вижу папашу, о котором говорилось выше.

Что я мог ответить? Судя по убиенным мордредам, судя по знамени Артура, оставленному здесь на поле, все, вероятно, обстояло почти так, как описывал Мэлори. Должно быть, мои оркнейские родственники сэр Лукан Палатин и сэр Бэдивер Бесстрашный вынесли раненого короля с поля боя в неизвестном направлении, во всяком случае, это было единственное, о чем можно было говорить с какой-то долей вероятности.

– Кстати, – выслушав меня, заметил Лис, – сэр Лукан и братец его, сэр Бэдивер, они же тебе вроде как кузены? – Я кивнул. – И при этом сэр Лукан – палатин короля. То есть, попросту говоря, начальник всего дворцового хозяйства. На такую должность абы кого не ставят, уж ты мне поверь, по себе знаю! Как ты думаешь, мог ему Артур на хранение кусок текста выдать?

– Вполне.

– Стало быть, нам надлежит нанести твоим родственничкам визит вежливости. А то как-то ты с ними совсем не по-братски. Приехал, ни мне здарсьте, ни тебе до свидания. Гляди, обидятся, из списков принцев вычеркнут. Останешься обычным тривиальным зачуханным сэром.

– Пожалуй, ты прав. Лукан вполне может являться лордом Камелота.

– Вот и славно. Значит, вносим его в список подозреваемых. Но с ним можно повременить. С раненым Артуром ему далеко не уйти. Так что пара-тройка часов форы у нас есть. А пока, если не возражаешь, давай-ка продолжим наши изыскания. Может, еще кто из лордов сыщется.

Я обвел глазами заваленное мертвыми телами поле Камланна. Среди них наверняка можно было найти облаченных высоким доверием короля. Однако шанс отыскать их среди

тысяч павших был крайне невелик. К тому же одни из них, возможно, успели, подобно сэру Кэю, передать свою бесценную ношу достойным преемникам, иным же расстаться с ней помогли самозванные наследники, рыскающие по полю, подобно голодным волкам.

– Пошли, – вздохнул я. – Даст бог, повезет.

Здесь, видимо, необходимо остановиться на моем «родстве» с оркнейским королевским домом Бьернов, «родстве», автоматически производившим меня в число весьма влиятельных вельмож Камелота. Шутка ли, кроме упоминавшегося уже сэра Лукана и брата его Бэдивера, к нему принадлежали Говейн, Агровейн, Гарет, Гахерис, да и мятежный Мордред, хотя и косвенно, тоже входил в число принцев этого дома. Дернула же нелегкая «двоюродного дядюшку» короля Лотта жениться на фее Моргане!

Когда речь зашла о нашей натурализации в артуровской Британии, а вернее, в Каледонии, заниматься этим весьма кропотливым делом было поручено моему крестному и наставнику по оперативной работе Джорджу Барренсу, непревзойденному асу в такого рода предприятиях. Оптимальным вариантом был избран именно оркнейский дом, связанный родством и вассальными обязательствами как с королем Утером Пендрагоном, так и с Эле Рыболовом, правившим в Каледонии.

Генеалогическое древо рода Бьернов было исследовано с тщательностью, с какой ни один ботаник не исследовал какое-либо иное растение. И наконец ветвь, к которой можно было без опаски привить невесть откуда взявшегося отпрыска, была найдена. Впрочем, мой добрый крестный каким-то верхним чутьем знал, где и что надо искать. Недаром же в России он, едва потянув воздух ноздрями, вычислил заговор против императрицы Екатерины Великой там, где не только я, желторотый новичок, но и опытные стаци местной резидентуры не видели ничего, кроме странного стечения обстоятельств.

Люди, живущие на островах, редко бывают домоседами, будь то простые рыбаки или же королевские дети. Корабль одного из потомков Бьерна Могучего, тоже Бьерна, лет за сорок до моего появления в этом мире отчалил от берега и скрылся в туманной дали. С тех пор ни корабля, ни кого-либо из тех, кто находился на его борту, более не видели. В нашем мире, в том, откуда мы были родом, его когда-то обнаружили вмерзшим в лед у берегов Гренландии. Но неприступная Туле хранила свои секреты.

Труднее всего было вытребовать из музея этнографии Рейкьявика, где бережно сберегались предметы, обнаруженные на корабле, одежду и украшения несчастного Бьерна. Однако клятвенные заверения, что бесценным находкам не будет причинен какой-нибудь ущерб, и официальный запрос министерства образования сделали свое дело.

И когда я впервые ступил на землю Шотландии, вернее, Южной Каледонии, на мне красовалась молекулярная копия «отцовских» сокровищ, а в голове стоял на запасных путях вагон всевозможнейшей информации о близких родственниках, знакомых моей «семьи», нравах, привычках и внутрисемейных отношениях королевского дома Оркней. При встрече с королем Лотом вагон начал разгружаться с такой скоростью, что у наивного монарха не возникло и тени сомнения, что я действительно Эстольд, сын его двоюродного брата Бьерна, основавшего колонию на Аландских островах. Некоторые сложности, правда, были после того, когда на смену безвременно убиенному принцу Эстольду прибыл его брат-близнец Торвальд, но и с этой ролью я справился вполне пристойно. Сложно ли, имея такого хитроумного помощника, как Лис!

Перерубленное древко со знаменем из золотой парчи вырвало сознание из раздумий и воспоминаний, как выхватывает из сладкого сна отдыхающих солдат сержантская команда: «Подъем!» Гордый зеленый лев, обнаживший в оскале червлёные клыки, понуро горбился на блестящей материи, являя собой легкую добычу для двуногих гиен.

– Рейнар! – окликнул я напарника. – Гляди внимательно, где-то здесь должен быть сэра Ивейн.

– Это шо, тот, самый упакованный крендель Камелота? – невольно поморщился Лис.

Сэр Ивейн любил красиво одеваться. И вообще любил красивые вещи. Среди кургузых рыцарей Круглого Стола даже такие светские львы, как Ланселот и Персиваль не могли тягаться с ним в изысканности манер и возвышенности любви к прекрасной даме. Но, черт подери, я бы первый вызвал на бой всякого, кто усомнился в доблести рыцаря зеленого льва.

– Лис, без комментариев! Герб ты знаешь. Знамя стояло здесь, значит, и он где-то поблизости. Наверняка Артур счел его достойным своего доверия. А если это так, нам нужно его оружие. В рукояти меча – дарохранительница, и либо я первый день знаю Ивейна, либо пергамент там.

– Да вон он! – оглядываясь по сторонам, указал направление остроглазый Лис. – Вон, его там уже какой-то щипач дербанит. Эй, паскуда! – заорал он, бросаясь к мародеру. – Положь где взял! Пасть порву!

Грабитель в добротной кольчуге, опоясанный мечом, но без гербовой котты, услышав крик моего друга, быстро оглянулся, вскочил на ноги и помчался прочь, перепрыгивая через лежащие на земле тела.

– Сучий выползень, – процедил сквозь зубы Лис, когда мы приблизились к пронзенному пятью копьями сэру Ивейну. – Таки успел дернуть. Гляди-ка, яблоко с рукояти меча свернуто, выходит, дарохранительница уже пуста. И надо ж такому случиться, чтобы этот урод начал шарить именно оттуда!

– Лис, этот меч сэру Ивейну подарил я. Он стоит два десятка золотых. Ни один грабитель не станет потрошить дарохранительницу, оставляя при этом без внимания такое ценное оружие. Да и вообще, где ты видел грабителей, которые вместо того, чтобы срезать золотые пряжки, снимать браслеты и фибулы с камнями, начинают возиться с тайником в рукояти меча?

– Может быть, случайность?

– Нет, – покачал головой я. – Это не случайность. И это не мародер. Ни один мародер не обратился бы в бегство, не попытавшись предварительно отогнать соперника от своей добычи. Да и вооружен он был, как рыцарь. Не стал бы охотник за мертвечиной таскать на себе кольчугу. С непривычки бегать тяжеловато.

– Сэр Торвальд! Сэр Торвальд! – послышался призывный крик со стороны наших позиций. – Насилу вас отыскал! – Оруженосец Стража Севера быстро приближался к нам, маневрируя между убитыми и стараясь не вступать в лужи подсыхающей крови. – Спасибо святой указал, куда вы пошли. Милорд герцог недавно прибыл к Камланну и, узнав, что вы уже здесь, просит вас к себе.

Конь лорда Ллевелина играл под седоком, нервно перебирая ногами, словно норвья сорваться в галоп. Конь был снежно бел и оттого казался еще более светлым в контрасте с потемневшим лицом своего хозяина. Глаза Ллевелина были глубоко впавшими и мрачными, словно пропасти Тартара.

– Сэр Торвальд, – медленно начал он. – Мне уже рассказали о последнем вашем деянии. Я благодарю вас. Вы спасли Британию от опасного врага. И еще, – он замолчал, о чем-то задумываясь, – я рад видеть вас живым. Очень рад. – Он тронул коня с места и, поравнявшись со мной, скомандовал: – Дайте руку!

Я невольно повиновался герцогу.

– Держите. – Ллевелин сжал мою ладонь, и я почувствовал, что между нашими руками находится небольшой кусок хорошо выделанного пергамента. – Сэр Сагрмор, умирая, просил

передать его вам. Вы знаете, что с этим надлежит делать. Теперь вы один из нас. Один из последних лордов Камелота.

Глава 7

Ничто не порождает так много вопросов, как поиски ответа.
Принц Гамлет

Знамя герцога Ллевелина – могучего Стража Севера служило своеобразным магнитом, к которому тянулись поодиночке и небольшими группами вооруженные люди, судя по выговору, уроженцы самых разных концов Британии. Всех их собрало воедино поле великой битвы. Всего несколько часов назад они очертя голову рубились друг с другом, прославляя – каждый по-своему – короля Британии. Смерть вождей примирила их. Теперь и те и другие вступали под стяг могущественного Ллевелина, начисто позабыв недавние распри.

Впрочем, несмотря на уверения многих ратников, что Мордред мертв и они лично наблюдали ту нелегкую схватку, в которой непобедимый Артур сразил Эскалибуром сына и племянника своего Мордреда, лишь мы с Лисом знали, что это не так. Теперь с наших слов об этом знал Ллевелин. Но верил ли он нам, обнаружившим на месте схватки троих, обряженных в чужие доспехи рыцарей, или же тем, кто воочию наблюдал смертные минуты Мордреда, пока оставалось неясным. Одно можно было сказать с уверенностью: если тот действительно остался жив, мы очень скоро должны были убедиться в этом.

Были среди вышедших из боя ветеранов и те, кто клялся, что раненного в грудь Артура действительно вынесли с поля боя мои троюродные братья герцог Лукан и его младший брат сэра Бэдивер Бесстрашный. Некоторые говорили, что видели их у берега озера. Некоторые утверждали, что Лукан и Бэдивер направлялись без дороги в лесную чащу. Но и те и другие твердили, что раненый Артур был все еще жив.

– Они пошли к отшельнику, что живет меж двух скал среди болот Харлона, недалеко от Эльфийского источника.

Мы с Лисом невольно переглянулись. Географическая привязка хижины отшельника была дана весьма точно. Нам оставалось лишь радоваться, что ночные скитания в свое время привели нас к лачуге архиепископа Кентерберийского, а не в Харлонские трясины.

– Надо бы зайти проведать старичка, – задумчиво бросил верный напарник. – У тебя там родственники образовались. К тому же богомолье вполне достойный повод слинять отсюда потихому, потому как здесь мы уже отработали по полной программе.

– В целом ты прав, – ответил ему я. – Но давай немного подождем.

– Чего ждешь будем? Небесного знамения? Или когда грозный Ллевелин отправится добивать остатки местного басмачества в их логове? Так у них тут логов или логовей, я точно не знаю, как их обзвать, шо называется, выше крыши.

– Лис, – напомнил я, – сэра Эктор.

– А шо с ним такое? Он уже один раз мертв. Больше ничего плохого с ним случиться не должно.

Я печально вздохнул. Сэр Эктор, один из славнейших рыцарей Круглого Стола, несомненно, имел все шансы войти в число лордов Камелота. Когда мы наблюдали равнину Камланна с холма, едва прибыв сюда после битвы на дороге, баньера сэра Эктора с пятью воспламененными сердцами все еще лежала там, где выронил ее знаменщик храброго рыцаря, всего лишь в трех десятках шагов от места схватки Артура со лжемордредом. Но когда мы добрались до места жестокой сечи, раздетый до белья труп рыцаря с исклеваным лицом – вот все, что осталось от некогда грозного воина. Мне удалось узнать его по шраму, тянущемуся от предплечья к запястью, следу от старой раны, полученной в битве при Маунт-Бадене. Мародеры сняли с него все, что могло представлять хоть какую-то ценность.

– Лис, – начал я медленно, – давай не будем торопиться. Ты же не хуже меня знаешь, у всех, кто вчера был на этом поле, нервы сейчас на пределе. Многие нынче поживились здесь различными ценностями и наверняка захотят обменять их на звонкую монету, а еще вернее, на доброе вино. Совершить такой обмен в этих местах можно лишь в трагториях,⁷ а их тут раз-два и обчелся. Пошлем нескольких ребят покрепче, дадим им монет, пусть посмотрят, порасспросят, не сбывал ли кто вещи с гербом Эктора или Ивейна. Ну и ежели вдруг что, пусть силой, хитростью, как бог на душу положит, тащат мерзавцев сюда.

– Вальдар, – вздохнул Лис, – на это я тебе могу выставить десяток возражений. Сэр Эктор мог не входить в число лордов Камелота. Он мог перед смертью передать пергамент ближайшему рыцарю. Он мог оставить его спрятанным в тайнике в замке. Мародеры могли выбросить кусок пергамента за ненадобностью, могли пять раз перепродать, скажем, очередную ладанку или меч, в котором находится пророчество. И далее по списку. Но кое в чем ты действительно прав: переться на ночь глядя через здешние болота в гости к преосвященству действительно занятие на любителя. Это номер раз.

Номер два: невзирая на потери с обеих сторон, солдат здесь все еще до хренища, и вина, увы-увы, на всех не хватит. Так что с походом в трагторию действительно следует поспешить.

И номер три: давай ты останешься смирять Ллевелина с мыслью, что мы его бросаем в эту трудную минуту, дабы обнять родичей и получить отпущение грехов, а я лично возьму этих самых ребят покрепче и возглавлю поисковые работы. Только ты не забудь указать потом в отчете, что мы здесь не просто гульбасили, а собирали очень ценные артефакты.

Лис был неисправим. Впрочем, я понимал, что на душе у него сейчас не менее тошно, чем у меня, и что, ерничая, он пытался взбодрить своего напарника, с каждой минутой все больше и больше впадающего в черную меланхолию. Было из-за чего! И сэр Кэй, и Ивейн, и Эктор, да и многие другие, павшие вчера на этом поле, были мне добрыми друзьями и отважными соратниками. Если там, на поле брани, их бездыханные тела вызывали шок, заглушающий боль утраты, то теперь шок проходил, и боль медведем наваливалась на меня, лишая не то что возможности действовать, но думать и даже дышать.

«Глаза его обильно увлажнились», – написал бы, вероятно, сэр Томас Мэлори. Однако нет, глаза мои оставались сухими, но мне чертовски нужно было побыть одному, чтобы взять себя в руки. Я шел по темнеющему лесу без направления, топча опавшую прошлогоднюю хвою, пиная попадавшие под ноги шишки, вспоминая дни, когда веселье, полные силы и отваги рыцари Круглого Стола выезжали из Камелота загнать лесного красавца оленя или же завалить красноглазого вепря. Выезжали, всем видом демонстрируя силу и нерушимость Британии.

«Это плохая примета», – сказал лишь несколько дней тому назад сэр Кэй, увидев иссякший Эльфийский источник. Кто мог тогда предполагать, насколько он был прав? И хотя я еще со школьной скамьи прекрасно знал, чем завершится авантюра Мордредра, тем не менее, быть может, из-за той самой «плохой приметы» невольно чувствовал себе причастным к гибели друзей.

Я шел. Ноги сами несли меня в неведомом направлении. Уж и не знаю, зачем я начал взбираться на поросший травой и кустарником холм, высотой футов пятьсот, увенчанный вероятно еще римскими развалинами.

Стараясь отвлечься от мрачных мыслей, я попытался сосредоточиться на задании. «Итак, двенадцать частей пергамента... – взбираясь по склону, подсчитывал я, словно повторяя известную считалочку: – Двенадцать негрятят пошли купаться в море». В оригинале их было десять, но здесь был иной мир, и судьба несчастных обреченных складывалась несколько иначе. Двенадцать кусков. Из них, вероятно, один у Ллевелина. Два у меня. Содержание еще трех, возможно, нам известно. Следовательно, надо искать того, кто способен прочитать текст на

---

⁷ Трагтория – харчевня, трактир.

коелбрене. Если тексты разные, то прав Лис, и все наши похождения в этом мире – безответственная трата времени, средств, я уж не говорю об опасности для жизни, как нашей, так и окружающих.

Но для того чтобы сличить текст огамический и латинский из библиотеки графов Перси, следовало отыскать те самые части пергамента, аналоги которых были обнаружены в нашем мире. Для этой цели нам следовало найти того, кто был самым вероятным преемником Персиваля и Галахада, их спутника в поисках чаши Святого Грааля сэра Борса.

Скорее всего три части искомого предсказания находились у него. Но, насколько я мог судить, и он, и Ланселот, который, по всей видимости, также был причислен к лордам Камелота, находились по ту сторону пролива на материке, в Арморике. С высокой вероятностью их можно было вскоре ждать здесь, в Британии, но быть может, «да», быть может, «нет».

Еще один кусок я числил находящимся у Мордред, и два обстоятельства сегодняшнего дня косвенным образом подтверждали мое предположение.

Первое: отсутствие его на поле боя. Ведь никто из нашедших там свой конец не мог через месяц принимать участие в «камелотской вечере». И второе: строка из пророчества, найденного в нашем мире: «золотой дракон вонзит клыки в грудь алого». Уж и не знаю, имела ли она какое-то отношение к судьбе английской монархии нашего мира, но то, что в гербе храброго соратника Артура герцога Ллевелина красовался золотой дракон, а Мордред, претендуя на корону принял на себя старую эмблему Пендрагонов дракона червленого, было видно невооруженным глазом всякому, кто взял бы себе за труд посмотреть на их знамена. Значит, Камланн был лишь преддверием решительной битвы, где должны были сойтись грудь в грудь Ллевелин и коварный Мордред.

Была еще часть пергамента сэра Ивейна, но кто ее похитил, оставалось загадкой. Создавалось впечатление, что кто-то еще, кроме нас, заинтересован в том, чтобы расшифровать как можно раньше мерлиновский ребус.

Оставались еще три фрагмента рукописи. Один из них, возможно, находился у моего родственника сэра Лукана. А еще два? Был ли сэр Эктор обладателем части пророчества? Кто знает? Местонахождение двенадцатого же куска и вовсе было неизвестно, порождая массу достойных кандидатур как среди живых, так и среди павших.

Я карабкался все выше по склону, ожесточенно хватаясь за корявые кусты терновника, обдирая руки в кровь о колючие ветки, увешанные недоспелыми ягодами. Полз, словно что-то тянуло меня в эти древние развалины, и с каждой царапиной, с каждой каплей крови душевная боль отступала, давая место боли телесной.

– *Капитан, я, кажется, что-то нашел!* – зазвучал на канале связи радостный голос Лиса. – *О господи!* – Напарник, очевидно, увидел мои изодранные руки. – *Тебя что, газонокосилкой переехали? И вообще, куда ты поперся на ночь глядя?*

– *Туда, на вершину.* – Я поднял глаза к разрушенным стенам с зияющим, словно дыра от вырванного зуба, провалом ворот.

– *И на хрена тебе эта руина?*

– *Не знаю. Меня туда что-то тянет.*

– *А, ну-ну, юный археолог. Пока ты не занялся раскопками, послушай-ка, что я тут нарыл. Смотри.* – Лис дал картинку. – *Только я тебя умоляю, ты ж там не сорвись! Ты отечеству еще живой нужен.*

Упитанный хозяин передвижной трагтории – походного солдатского трактира, пожилой маркитант в богатой расшитой рубашке, явно купленной здесь же по случаю, отвечал на вопрос моего напарника, не переставая при этом аккуратно недоливать пятую часть вина в глиняные стаканы. Галонная бутылка буквально парила в его руках словно сама по себе, исполняя традиционный ритуал недолива. Впрочем, похоже, посетителям увеселительного заведения такие мелочи были глубоко безразличны.

– ... Да, был тут один, – вещал предприимчивый трактирщик, ловко подхватывая на лету брошенный динарий. – Пожалуйста, пожалуйста, господин рыцарь! – Очередная емкость наполнилась вином, и длинноусый наемник барбасон, несказанно польщенный высоким званием, отсалютовал мошеннику чаркой, забывая при этом забрать медяк сдачи. – Так я и говорю, был один. Продавал браслеты с пятью воспламененными сердцами в крест. Во-он там сидит. – Маркитант кивнул в дальний конец шатра. – То есть еще совсем недавно сидел.

– А куда пошел, не видел?

– Та кто ж его знает? – Хозяин вновь наполнил чью-то опустевшую чарку и поманил пальцем служанку, с хохотом вырывающуюся из похотливых рук солдатни. – А не видела, куда такой чернявый пошел? Который тебя на ночь звал?

– Да только-только сидел. Может, отлить вышел? – небрежно кинула «официантка», которую самый лояльный взгляд не мог объявить миловидной.

Лис повернулся к троице крепко сбитых йоркширцев, гулявших сегодня за его счет.

– Мальчики, а ну-ка, просквозите тут по округе. Пошарьте по кустам, нет ли тут такого чернявого. Почтеннейший, – он повернулся к торговцу, – расскажи-ка подробнее, как он выглядел.

– Да так себе, – недоуменно пожал плечами толстяк, – как все.

– Плащ на нем алый рыцарский, пояс с золотыми бляхами и колпак такой, ну... как в Корнуэлле носят, – ответила за хозяина девица.

– М-мадам, – галантно улыбнулся Лис, – вы оказали следствию неоценимую услугу. На, держи динарий. Заработала.

Серебряная монетка легла в заботливо подставленную грубую ладонь служанки.

– Мальчики, все слышали? Вперед, я жду вас здесь. Вот так-то, Капитан. Щас мы его, болезного, повяжем. Как говорится: мысли ваши – мышцы наши. – Гордый собой Лис вновь повернулся к содержателю трактира: – Давай-ка, братан, плесни мне еще своей бурды. Да только смотри, – тон Лиса потерял развязную беззаботность, – есть такая примета: кто мне не дольет, тот до утра не доживет.

Трактирщик, закусивший было губу от расстройства, увидев серебряную монету в руке своей прислуги, опомнился и поспешил выполнить требования. Добродушный в большинстве случаев Лис при желании мог быть очень убедительным.

– Энци⁸ Рейнар! Энци Рейнар! Там он! – Один из отправленных на поиски мародера йоркширцев влетел в трактир, запыхавшись от быстрого бега. – Мы его нашли.

– Ну так волоките сюда!

Верзила приблизился к моему другу и быстро зашептал ему на ухо:

– Он убит. Совсем.

– Как убит?! – нахмурился дотошный следователь.

– С позволения сказать, мечом в живот.

– Ограблен?

– Да нет, вроде все на месте. Плащ и пояс, и монеты вот. – Дитина развернул ладонь, на которой лежало с десятков серебряных кругляшей.

– Тут за ним, – поспешила встрять в разговор словоохотливая «официантка», настроенная на откровенный лад более чем щедрой оплатой, – двое выходили. Пониже вот этого, – она кивнула на лисовского спутника, – но такие крепкие. По ухваткам, видать, бойцы не из худших. Оба при мечях. И вот что странно, снаряжены оба как рыцари: кольчуги, наручи, поножи, но без гербовых накидок.

– М-да, – произнес Лис, словно только что откусил кислющий лимон. – Капитан, тебе этот почерк ничего не напоминает?

---

⁸ Энци – почтительное обращение, господин.

– Похоже на того крепьша, что обыскивал Ивейна.

– То-то и оно. Я, конечно, пойду, проверю, может, просто совпадение. Но шо-то мне подсказывает, шо таки нет. Все, отбой связи. Ползи дальше, снежный барс!

Старая крепость встретила меня странными шорохами, хрипами и шушуканьем. Я осмотрелся среди безликих камней, пытаюсь определить источник звуков, но тщетно. Время оплело развалины башен лозой дикого винограда и скрыло пеленой зеленовато-бурого мха подножия стен. Отсюда во всем своем ужасающе притягательном величии рассматривалась долина Камланна, плещущее в холодном равнодушии озеро Неиссякаемых Слез и лес, сколь видел глаз, лес, на много миль вокруг.

Я всмотрелся в горизонт. Где-то вдальеке, словно небольшой островок среди зеленого моря, виднелись две скалы. Очевидно, те самые, откуда начинался наш путь, а может, и какие другие. Что-то шурхнуло возле самых моих ног. «Никак ежи балуют», – усмехнулся я, оглядываясь. Никаких ежей рядом видно не было. Пронзительный рев, нечто среднее между звуком пикирующего бомбардировщика и визгом несмазанной лесопилки разнесся над лесом. Я вскинул голову... Так, похоже, побыть одному мне сегодня не удастся. Над развалинами крепости, быстро снижаясь, заходила на посадку виверна.

– Сэр Торвальд! – услышал я голос Карантока по ту сторону стены. – Сэр Торвальд! Вы здесь?

– Здесь, – нехотя отозвался я.

– Ну, слава Всевышнему! Наконец-то вы нашлись!

Я поморщился и, что-то насвистывая сквозь зубы, побрел к воротам, чтобы встретить «названного гостя». Виверна за моей спиной мягко приземлилась на поросший двор и, загребая когтистыми лапами, принялась топтаться по вершине холма, низко наклоняя голову к земле, щелкая зубами и издавая невнятное ворчание.

– Тише ты, – выругался я. – Чего разоралась?

Мои слова не произвели на божью тварь ни малейшего впечатления. Она продолжала самозабвенно рычать в пространство, колотя хвостом по земле. «Нервная», – пожал плечами я.

Святой Каранток, опираясь на свою сучковатую палку, довольно бойко поднимался вверх по склону, продираясь среди кустарников, но так, что казалось, ни одна колючка не решается разодрать не то что тело его, даже одежды.

– Чем обязан?

– Я только хотел сказать вам, – святой протянул мне руку и я схватил ее, помогая преодолеть последние футы, – да, я хотел вам сказать, что намереваюсь отправиться к архиепископу Кентерберийскому вместе с вами.

– Куда направиться? – не совсем понимая, о чем говорит подвижник, переспросил я.

– В хижину меж двух скал, – не задумываясь, выпалил Каранток, так, будто я спросил его, верует ли он в Господа. – В хижину, где, забытый всеми, призывает милость божью на головы враждующих и защиту на земли Британии архиепископ Кентерберийский Эмерик.

– Вы с ним знакомы? – настороженно уточнил я.

– Нет, до этого дня не были. Но я много о нем слышал, когда он был первейшим из слуг Божьих в Британии.

– Откуда же вы узнали, что он там живет?

– Узнал. – Задумчивость отразилась на лице валлийца. – Откуда-то узнал. Не помню. Может, кто-то рассказал? Одно могу сказать точно: я должен идти туда вместе с вами.

– Но почему?

– Сие мне неведомо. Пути мои в руке Господней, – гордо отвечив святой. И слова его были поддержаны хлопаньем крыльев виверны, словно аплодисментами.

– А с чего вы взяли, что мы собираемся к его высокопреосвященству?

Признаться, когда я задавал этот вопрос, мною двигал чисто спортивный интерес, однако ответ моего собеседника превзошел все ожидания:

– Но ведь это же так!

Ничего не попишешь, к святым вообще тяжело подходить с точки зрения общих мерок, а уж к святым валлийским, то есть совмещающим небесное водительство с врожденным упрямством, тем паче. Я беспомощно развел руками и вызвал Лиса.

– *Але, Капитан, шо у тебя опять стряслось?* – встревоженно поинтересовался мой напарник.

– *Ничего особенного. Я просто хотел сказать, что нас в «богомолье» будет сопровождать спутник. Вернее, два спутника.*

– *Кто такие? Я их знаю?*

– *Пожалуй, да. Это Каранток и его виверна.*

– *Ух ты, елкин дрын! Шо ж это им нейметя-то?* – удивился Сережа.

– *Без комментариев. Может, у святого там религиозный диспут намечается. Может, ему просто нужно пообщаться с кем-то из своего круга. Одним словом, Божья воля.*

– *А, ну да, ну да. Одного поля ягоды. А шо, пусть идет, все веселее будет.*

Прощание с Ллевелином было недолгим, но грустным. Поставленный перед фактом нашего отъезда и не имеющий реальных оснований нас удерживать, Страж Севера огорченно выговаривал новоиспеченному лорду Камелота, какой тяжелый час настал для Британии и как нужны сейчас ей такие доблестные сыны, как мы. И что, невзирая на горькую измену Мордред и исчезновение славного Артура, он и все, кого он сможет собрать под свои знамена, будут стоять на защите законов, данных нашим добрым королем, и духа славного рыцарства Круглого Стола.

– Кто, как не мы должны возродить Камелот во всем его величии? Кто, как не мы, его верные рыцари, должны спасти императорский венец Британии от посягательств тех, чьи руки запятнаны изменой и предательством?

В глубине души я был согласен с герцогом, однако у нас было свое задание, и с этим приходилось считаться. Пообещав Ллевелину вернуться как можно скорее, мы оседлали коней, раздобыли мула для увязавшегося за нами святого и направились к черным гранитным скалам, видневшимся с высоты старинной римской руины.

Итак, наш путь лежал «во владения» архиепископа Кентерберийского, где, если верить достопочтенному сэру Томасу Мэлори, находилась одна из могил короля Артура.

Впрочем, мог ли я верить этому разбойнику и беспутнейшему из рыцарей, после всего того, что нам некогда пришлось пережить вместе. Почти месяц сидели мы с ним в одной камере Ньюгейтской тюрьмы, пока при помощи Лиса и графа Уорвика Делателя Королей, не распрошались с ее угрюмыми сводами, позабыв при этом поставить в известность своих сторожей.

Правда, вскоре сэр Томас вновь вернулся туда. Но кто знает, не случись этого, довелось бы ему поведать миру о славных приключениях короля Артура и рыцарях Круглого Стола, словом, обо всем том, о чем я рассказывал ему долгими промозглыми ночами, чтобы хоть как-то скоротать время до рассвета. Меня несказанно забавлял этот процесс.

Щелкая зубами от пробирающей до костей сырости, я вещал отчаянному сокамернику о гордой отваге Ланселота, о верности сэра Кэя, добавляя время от времени красочности своим повествованиям за счет обширных цитат из книг самого Мэлори, читанных еще в Итоне. Каюсь, грешен. Тем самым я неумолимо впутывал бедного узника во временной парадокс. Но, может быть, хоть в этом мире я бы именовался не уменьшительно ласкательно сэром Тором, а полностью – Торвальдом, и никто бы не приписывал мне в отцы короля Пеленора, невесть где, невесть когда соблаздившего мою мамашу.

Вообще с родством и хронологией у Мэлори нашего мира, как показал личный опыт, были большие проблемы. Чего стоит один Галахад, сын Ланселота от Элейны, который на самом деле был его родным племянником, или Моргауза, жена короля Лота Оркнейского? Откуда взялась эта самая Моргауза, для меня до сих пор остается загадкой. Женой короля Лота была Моргана, которую сэр Томас отчего-то выдал замуж за короля Горры Уриенса. Однако мало того, что Уриенс до сих пор не был женат, он был лишь одним из тамошних танов, а Горра никогда не являлась королевством.

Некий исследователь из Бретани, изучая этот героический цикл, задался целью составить хронологию артуровской эпохи. Выводы его были весьма неутешительны. Из них следовало, что вчера на камланнском поле семидесятидевятiletний король Артур, сопровождаемый восьмидесятидвухлетним сэром Кэем, отважно рубились с шестидесятилетним юношей Мордредом, в то время как не менее шестидесятилетний сэр Ланселот на берегах Арморики изнывал от корсиканской страсти к перезрелой нимфетке леди Гвиневере каких-то там сорока четырех лет от роду. Ну что ж, как говорится, другие времена – другие нравы. Но лично у меня одно представление о том, что короля Артура, скрюченного артритом и страдающего от ревматических болей, приходится подсаживать в седло при помощи римского подъемника, а то и вовсе поднимать магическим заклинанием, словно Мерлин камни Стоунхенджа, вызывало улыбку не менее загадочную, чем улыбка Джоконды.

Мы выступили в путь, едва лишь взошло солнце. Признаться, я не люблю ранние побудки, но на войне как на войне. Задержись мы с выездом, и пробираться во временное пристанище архиепископа нам бы пришлось в потемках, а будет ли Господь столь любезен еще раз, что проведет нас мимо притаившихся под зеленой осокой трясин, позволив даже не замарать ног, оставалось невыясненным. Возможно, чтобы проявить свою особую милость к святому, он разверзнет земную твердь под ногами пары заядлых грешников. Сейчас же у нас был вполне реальный шанс добраться до резиденции его преосвященства еще засветло и, завершив все наши дела, переночевать и на следующий день вернуться так же засветло в лагерь Ллевелина.

Мы долго ехали молча, словно досыпая в седлах. Над головами, расправив кожистые крылья, парила виверна, не хуже стрелки компаса указывающая курс на скрытые за лесной чащей скалы. Звериные тропы, мало приспособленные для странствия всадников, то и дело заставляли спешиваться и отклоняться в сторону от нужного нам направления. В этих случаях встревоженная тварь резко сбрасывала высоту и орала негодующе удивленно, словно возмущаясь, куда это мы пытаемся улизнуть с указанного ее хозяином пути.

– Скажи-ка, святой, – глядя на синее небо, в котором носилась недовольная виверна, ни с того ни с сего спросил Лис, – а ты на этом, как его, коелбрене, читать умеешь?

Черты Карантока стали резче и строже, и чело его нахмурилось. Он помолчал немного и изрек с нескрываемым презрением:

– Коелбрэн – богомерзкое писание диких колдунов и шарлатанов, носящих имя друиды, или же дервиды. Коснея во грехе, они не почитают истинным триединство Господа нашего. Но, укрываясь в лесах и пещерах, творят свои злодеяния, постигая язык птиц и тварей земных, разговаривая с рыбами и гадами ползучими, раскрывая тайны камней и деревьев. Коснея во грехе, носят они белые одежды, и, видя этот цвет чистоты, знания и духовного единства, люди именуют их пророками и носителями закона. Люди почитают их, прося выступать судьями в спорах и прорицателями судеб. Один раз в семь дней они выходят к народу и рекут, становясь лицом к светилу: «Пред оком Бога, оком правды...» – Он замялся, вслушиваясь в собственные слова, словно удивленный их звучанием. – Господи, я ли говорю это? Друиды, их приспешники барды и ученики их овидды, – тут глаза святого распахнулись изумленно, и речь стала маловразумительной, – ...зеленые мантии... музыка и медицина... закон... одеяния голубые... грех... музыка... истина... слово Божье... богов... Грех, грех, грех!!! – Каранток перекрестил собственный рот. – Оборони, Господи!

– Что это с ним? – ошарашенно глядя на нашего спутника, спросил Лис. – По-моему, у святого лихорадка.

– Нет ничего лучше при лихорадке и жаре для утешения возмущения первичных жизненных сред, чем растение, посвященное земле, – худворт.⁹ Для того же, чтоб извлечь из сего чудесного растения его излечивающую силу, след взять одну унцию изрядно высушенной травы и, поместив в глиняный сосуд, залить ее крепчайшим медом, вдвое большим по объему, чем худворт. И настаивать так пол-луны. После чего процедить и, собрав в бутылку, давать по одной капле на каждые десять фунтов веса четырежды в день.

Каранток, видимо, отчаявшись усмирить поток речи, вырывающейся изо рта, прикрыл его ладонью и, сделав мученическое лицо, стал подгонять пятками смиренного мула, неспешно влачившего свою святую ношу.

– Капитан, ты чего-нибудь понял?

– Ну, если вместо крепчайшего меда взять, скажем, спирт. То, пожалуй, вполне...

– Я не о том! – прервал меня Лис. – По-моему, у святого, уж не знаю, в честь чего случился сдвиг по фазе. Башка нихт, полная абстракция.

– Прострация, – поправил я.

– Да тут шо в лоб, шо по лбу. У него там уже вава на всю голову.

– Ох, – вздохнул я, – кто их знает, этих святых! Мало ли что ему САМ по закрытой связи нашептал. Одно слово – свято-о-ой!

---

⁹ Худворт – шлемник.

Глава 8

Господь, пожалуй, единственный коллектив авторов, не требующий гонорара за свои писания.

Вольтер

Густая тень скал-близнецов ползла все дальше, уже полностью закрывая группу, ведомую к хижине отшельника.

– Слава Всевышнему! – бормотал едущий рядом с нами Каранток, сохранявший стоическое молчание со времени своего вдохновенного повествования о друидах. – Нынче доведется мне воочию узреть преосвященного Эмерика и насладиться его высокомудрыми наставлениями. Ибо кто, как не он, есть светоч христианской веры, и кто, как не он, поможет укрепиться в истинной вере страждущему грешнику, искушаемому бесами. Защита Господня да пребудет со мной!

Непонятно, кто был слушателем неистового валлийца. Уж во всяком случае, не мы с Лисом, да и виверна, кружащая над лесом в поисках удобного места для посадки, вряд ли могла слышать его слова. Мне почему-то казалось, что святой пытается убедить себя в чем-то весьма для него самого неоднозначном.

Ветхая лачуга примаса¹⁰ Британии уже была видна, как на ладони, когда ликование нашего спутника было прервано неожиданным лисовским возгласом:

– Могила!

– В каком смысле? – спросил я, памятуя о том, какой цветисто многозначной может быть речь моего друга.

– Да вот, шагов тридцать влево от хижины. У подножия скалы, – указал Рейнар. – Самая что ни на есть натуральная свежая могила.

Я взгляделся в то место, куда указывал Лис. Действительно, прямоугольник свежеснятого дерна был завален грудой скальных обломков и увенчан в головах грубым деревянным крестом.

– Никак Артурова, – словно читая мои мысли, произнес Лис.

– Скоро узнаем, – пожал плечами я. – Одно можно сказать наверняка: Эмерик не мог в одиночку натаскать этих глыб, чтобы завалить яму. Стало быть, здесь либо был, либо еще до сих пор есть кто-то из крепких мужчин. Возможно, это действительно мои кузены.

Словно подтверждая эти слова, из хижины, опираясь на длинный шест, вышел широкоплечий коренастый человек с обветренным лицом северянина, в белой рубахе до колен.

– Друид! – завопил Каранток, шарахаясь в сторону и намереваясь дать стрелкача.

– Але, святой! Опомнись! – Лис успел схватить под уздцы возмущенного резким поворотом мула. – Какой же это друид, это рыцарь. Только у него отчего-то рубаха чистая и не перепоясанная.

– Действительно, – подтвердил я слова друга. – Это рыцарь сэра Бэдивера, мой двоюродный брат.

– Не друид? – опасливо переспросил Каранток.

– Ни в малейшей степени.

– Кто вы такие, путники? И что делаете в этих местах? – рявкнул сэр Бэдивер, разглядывая приближающихся к развалюхе всадников.

---

¹⁰ Примас – глава национальной церкви.

Я думаю, если у Карантока еще оставались какие-то сомнения по поводу принадлежности встречающего к сообществу друидов, то после этих слов, вернее, после тона, которым были произнесены эти слова, они улетучились, не оставив следов.

– Эй, Бэдивер! – крикнул я. – Ты что же, не узнаешь своего брата Торвальда? Или ты забыл моего друга Рейнара, с которым в Дунстанборо вы на спор выпили на две чарки больше, чем весь гарнизон крепости.

– Торвальд! Рейнар! – Здоровяк откинул в сторону палку и бросился к нам. – Откуда вы? Вот ведь негаданная встреча! – Он распахнул объятия и стал попеременно тискать в них то меня, то Лиса. – Где же вас носило так долго? А это кто?

– Да тут один святой с нами увязался, – потирая сдавленные богатырскими объятиями плечи, небрежно кинул Лис. – Звать Каранток. Сын короля Уэльса Берримора, не путать с Дуремаром. Просим любить и всячески жаловать.

Каранток, окончательно убедившийся, что перед ним не друид, а рыцарь в свежестриганной рубахе, обратился к нему со смиренной улыбкой:

– Утешь меня, брат мой во Христе. Скажи, здесь ли обитает явленный смертным в поучение стяг истинной веры преосвященный Эмерик, архиепископ Кентерберийский?

Лицо Бэдивера приобрело высокопарно-постное выражение.

– Он здесь, боголюбивый Каранток. И, полагаю, будет рад беседе со столь многоученым и благочестивым собеседником, как вы.

– Ну, вот и славно. – Лис повернул коня. – Все само устаканилось. Столпы пусть беседуют, а я, значит, съезжу пока, решу продовольственную программу. А то мы еще с прошлой встречи преосвященству пол ячменной лепешки торчим. Тем более как кого, а меня здешняя диета не греет аж ну несколько. Надеюсь, вы тут без меня не заскучаете?

– Жаль, что тебя с нами не было позавчера на Камланнской равнине. Твой меч весьма бы помог Артуру, – начал сэр Бэдивер, когда мы остались на тропе одни.

– Мы были с Ллевелином, – словно оправдываясь, ответил я. – Сначала сражались с каледонцами по ту сторону вала, потом на подступах к Камланну.

– Вот как... – Бэдивер грустно покачал головой. – Я не знал об этом. Конечно, изменить уже ничего нельзя. Однако приятно сознавать, что ты все же был на нашей стороне.

Мы замолчали, бесцельно бредя вокруг скал.

– Это могила Артура? – прервал молчание я.

– Нет, – покачал головой сэр Бэдивер. – Здесь покоится наш брат Лукан. Когда я принес его сюда, сделать уже ничего было нельзя. Кровь вытекла из его многочисленных ран, лишив жизненных сил.

– Но солдаты рассказывали мне, что видели тебя и Лукана, выносящих с поля боя нашего доброго короля. Где же он?

– Мы с Луканом дотащили его до берега озера, надеясь до утра укрыться среди камышей. Но лишь положили мы Артура, как увидели лодку, возникшую словно из ниоткуда. Лодка сия двигалась без весел и ветрил, и стояли на ней три женщины в длинных черных одеяниях. Колдовской свет исходил от лодки, озаряя ей путь. Когда же пристала она к берегу, старшая из этих дам откинула капюшон, и узрели мы перед собой сестру короля, могущественную фею Моргану. Со стоном и рыданием обняла она тело умирающего брата и велела нести нам его на борт, обещая, что, коли сделаем мы это, то король будет жив.

– И что вы?

– Мы не посмели ослушаться могущественную фею. Да и то много говорят о ее коварстве. Но ведь, ежели так посмотреть, лишь трое мужчин живы в ее сердце: великий Мерлин, учивший ее магической премудрости и даровавший ей во владение чудесный остров Авалон, где, по слухам, никто не старится.

– Говорят, он канул в неизвестность примерно месяц тому назад и что Моргана напрямую причастна к его исчезновению, – блеснул эрудицией я.

– Кто знает? – вздохнул сэр Бэдивер. – Если оно и так, о том ведомо лишь ей самой. Да Мерлину.

Двое других, – продолжал он, – это Артур, навсегда оставшийся ее братом и любимым мужчиной, и сын Мордред, в котором она души не чаяла. Ибо как в серебряном зеркале видела в нем все лучшие черты, как свои, так и Артура. Вряд ли она желала камланнской битвы. Ведь и Мордред, и Артур, сражавшиеся в первых рядах, были почти что обречены на гибель. Хотя, если бы не треклятая змея, быть может, ничего бы этого и не случилось.

– Что за змея? – спросил я, пиная попавшийся под ногу камешек.

– Змея, укусившая сэра Альмета и заставившая его обнажить меч. Вот ведь как бывает, – мой кузен отвлекся от основного повествования, – лишь несколько дней назад, возвращаясь с королем от герцога Ллевелина, сэр Кэй и сэр Альмет ездили напоить коней к Эльфийскому источнику, это здесь неподалеку, и нашли его пересохшим. Дурная примета. Теперь он журчит как ни в чем не бывало, а они мертвы.

– Ты начал говорить о змее, – произнес я, возвращая рыцаря к теме разговора.

– Да, змея. Видишь ли, Артур не хотел драки с Мордредом, тем более незадолго перед этим сэр Говейн, умирая, просил передать письмо Ланселоту, в котором он умолял памятью своей и погибших от его руки братьев Гарета и Гахериса забыть прежние обиды и поддержать своего короля в войне против изменника Мордред. Артур ждал Ланселота с его двенадцатью тысячами воинов и потому решил вступить в переговоры с сыном. Мы съехались посреди Камланнской равнины, и наши армии зорко наблюдали за тем, что происходило на поле.

Когда Артур отправлялся на переговоры, он, опасаясь злой измены, велел военачальникам, ежели увидят вдруг блеснувший среди поля меч, вести отряды в атаку, ибо сие бы означало предательство Мордред. Когда же мы съехались, внезапно из травы поднялась змея и безжалостно впилась в ногу сэра Альмета, сопровождавшего короля. В ярости выхватил он свой клинок, спеша отрубить голову гадине. Но та исчезла, словно ее и не было. Этот невольный взмах и послужил условным знаком к началу боя. Боя, в котором пали и Артур, и Мордред, и весь цвет британского рыцарства. – Сэр Бэдивер Бесстрашный вздохнул. – Чем больше думаю я о том, тем больше мне кажется, что в этом деле не обошлось без колдовства. Своими глазами видел я змею и ее исчезновение. Но откуда взяться змеям на Камланне? Ведь через него к озеру Неиссякаемых Слез на водопой выходят олени, а, стало быть, змеи стерегутся этого места как огня.

– Сэр Мордред жив, – негромко проговорил я.

– Что ты говоришь?! – нахмурился мой собеседник. – Я сам видел, как падал он с коня с расколотым шлемом.

– И все же это так. На месте Мордред сражались три иных рыцаря, укрытых заклинанием личности. Его смерть не более чем фантом.

– Он жив, – очень тихо произнес рыцарь Круглого Стола. – Вот ведь коварная измена! А мы, стало быть, своими руками предали короля в его власть. О горе и поругание нам! – всхлипнул Бэдивер, впиваясь в нечесанные волосы и пытаясь вырвать их с корнем. – Не на жизнь, но на смерть обрекли мы своего короля!

– Кто знает, кто знает, – проговорил я со вздохом. – Никогда не доводилось мне слышать, чтобы фея Моргана говорила правду. Но есть ли кто-то, кто сможет утверждать, что она когда-то солгала? Возможно, Артур и будет жить.

Я замолчал, не желая вдаваться в объяснения, тем более что пересказывать бесстрашному оркнейцу избранные главы из Гальфрида Монмутского или того же Мэлори было бы по меньшей мере странно. Все равно что судить о делах давно минувших дней по школьному учебнику истории. Сэр Бэдивер тоже впал в задумчивость, очевидно, переваривая сообщенные

мною факты. Неизвестно, сколько могло продолжаться такое молчание, но тут на канале связи, подобно голосу совести, прорезался Лис:

– Але, шеф! Как там наши успехи? Ты сэра Тротуара уже раскрутил на черновики скрижалей завета?

Я чуть поморщился. Способ излагать мысли у моего напарника был несколько экстравагантный.

– Лис, я работаю над этим.

– Не, ну это, конечно, классно. Я всегда верил в твою работоспособность. Но знаешь, меня почему-то больше интересуют результаты. Или ты планируешь по-родственному тормознуться здесь на недельку-другую?

– Лис! Ну сам посуди, не могу же я спрашивать его в лоб: «Бэдивер, не завалился ли у тебя вдруг кусок предсказания Мерлина? А то он мне очень нужен».

– Да нет, ну шо я, по-твоему, за спичками из тайги вышел? Понятное дело, сначала как дела, как здоровье, кто жив, кто помер, приветы от тети Глаши. Опять же, погоды стоят хорошие, удои будут колоситься. А потом в лоб, в смысле спрашивать в лоб: «А нет ли у тебя»... – В этот миг мой напарник озадаченно замолчал и, пытаясь облечь мысль в слова, включил картинку. На прогалине одинокая, брошенная всеми виверна, мучительно корчась от омерзения, жевала полуобглоданный уже куст шиповника. – *Мать честная, шо в мире деется! Сиротинушка ты моя богобоязненная, жертва махрового клерикализма, замордовал тебя святоша! Брось ты эту гадость наворачивать, издохнешь же от заворота кишок! Погодь чуток, я тебе хоть уток настреляю.* – Он чуть опасливо похлопал чудовище по крытой буровой чешуей шее.

– А ты что, еще не настрелял? – мстительно вставил я.

– Ага, настрелял! Я тебе шо, пойнтер, по болотам лазить. Утки здесь классные, но, блин, засели в камышах да осоке, хрен их оттуда выманишь. Ну ничего, не боись, голодными спать не ляжем. И животину покормим, а то она этими колючками себе дырку в нужном, вернее нужниковом, месте раздерет, придется ее саму в великомученицы записывать. Ладно, отбой связи.

Мы уже завершали круг, приближаясь к избушке, где, судя по доносившимся до нас звукам, шел бурный богословский диспут.

– Как можете вы не почитать сии книги священными? – раздавался над поляной властный голос Карантока. – Коли каждое слово в них проникнуто любовью и мудростью Божьей. Не почитаете ли вы и вам подобные, вроде тех охальников, собравшихся в Никее две сотни лет назад, что вправе по усмотрению своему отделять, что праведно, а что нет в писаниях учеников Спасителя нашего? Ведаете ли вы, что творите, говоря: «Сие истина, а сие ложь?», спустя столетия по смерти тех, кому посчастливилось воочию слышать слова Иисуса из Назарии. Не судите, скажу я вам, да не судимы будете!

– Ваши слова ересь! – гроыхая, как набатный колокол, вторил ему архиепископ. – А святость ваша не что иное, как гордыня адова.

– Гордыня?! Божий свет укажет мне путь! Ересь?! Как бы не так! Ибо рек он: «Кто преклонит предо мною колени, того почту я рабом пред ликом Господним и оделю похлебкой, дабы утолить голод, и лоскутом, дабы укрыть свои чресла. Того же, кто не отведет очей своих от взора Моего, нареку Человеком. Путь его будет тяжек и тернист, но любовь моя вовек пребудет с ним. Участь его назову Я участью странника в миру. Всякий день станет он мыслить о пути своем и всякий час выбирать шаг стопам своим. И будет он увлажнять слезой глаза свои, вопрошая: не забыл ли ты меня, Господи? Но как Я послал испытания возлюбленному сыну Моему, так и ему пошлю, и пойдет он, не ведая иной путеводной звезды, кроме веления души, воспламененной искрой от пламени Моего. И в последний час стану Я судить не слова, не помыслы, но деяния его. Судить, как судят древо по плодам. И милосердие будет именем

Моим, ибо нельзя пройти путь, не ступив по терниям и грязи. И никто не минет сего». А вы, – судя по изменившемуся тону, эти слова Карантока относились непосредственно к преподобному Эмерику, – вы фарисей и глупец, недостойный служить Предвечному!

– Ступай прочь из дома моего, богомерзкий еретик! – не замедлил отозваться оппонент. – Анафема тебе, отступник!

Каранток, обычно источавший непробиваемое добродушие во всем, что не касалось его священного служения, выскочил из хлипкого строения, раскрасневшийся, словно после сауны, и, бросив на ходу: «Слова твои пар, развеянный ветром!», помчался по тропе прочь от лесной резиденции архиепископа. Я хотел было что-то сказать, остановить его, но он промчался мимо, словно подгоняемый псами дикой охоты.

Я огорченно посмотрел вслед улетающему проповеднику. Уж и не знаю, для чего Господь привел его в этот дом, но то, что теперь расхождения Карантока с официальной церковью приняли необратимый характер, было ясно как божий день.

– Послушай, Торвальд, – обескураженный сэр Бэдивер еще раз смерил взглядом быстро удаляющегося Карантока. – А ты уверен, что он святой?

– Кто его знает? – пожал плечами я. – Прежде мне никогда не приходилось общаться с подобной породой людей. Однако в Уэльсе, в Эйре, да, похоже, и в Каледонии в его святости никто не сомневается. К тому же ты знаешь кого-нибудь еще, за кем бы самая что ни на есть настоящая виверна таскалась, словно собачонка, да еще к тому же выполняя заповеди Господни?

– Да-а, – протянул рыцарь, – странные дела. А может, он из этих, из друидов?

– Да ну, скажешь! – отмахнулся я. – Он их терпеть не может.

– И преосвященный Эмерик тоже. А вот надо же! – вздохнул сэр Бэдивер. – Во всяком случае, сейчас к преосвященному лучше не соваться. Да и вообще не стоит говорить, что святой этот с вами приехал. Сам понимаешь, устав у нас здесь строгий.

– Устав? Здесь?! Бэдивер, ты о чем?

Мой оркнейский братец поглядел в лесную чащу, словно ища в ней ответа, и промолвил с неожиданным смирением в голосе:

– Последняя битва отвратила меня от суетности мирской жизни. Ибо не было ничего доселе и не будет впредь ужаснее, чем она.

Я не стал утешать его заверением, что будет еще много хуже, и приготовился слушать, соображая, где лучше вклинить вопрос о судьбе предсказания Мерлина.

– Военная слава тщетна, и все наши подвиги суетны, ибо таят в себе грех тщеславия, лишь едва прикрытый риторикой о служении Господу. Истинное служение здесь. – Он повел рукой в сторону избушки. – Не мечом, но словом Божиим след бороться с врагами веры Христовой. Молитва – вот лучший доспех, а скромность и воздержание – вот лишь подвиги, приятные Творцу.

– Это он сказал? – Я кивнул на хижину отшельника, из открытой двери которой слышались молитвенные завывания.

– Он. И он прав, – сокрушенно вздохнул Бэдивер. – Я без сожаления покидаю этот мир, тем более что неумолимый рок безжалостно погасил единый огонь, служение которому возвышало рыцарский удел над безжалостным разбоем. Вчера я испросил позволения стать послушником у его высокопреосвященства, и брат мой Лукан также хотел искать себе подобного жребия, когда бы смерть не забрала его во тьму.

– Да-а, – протянул я, обдумывая, как лучше приступить к вопросу, приведшему нас в эту лесную чащу. – Послушай, Бэдивер, – наконец произнес я, переходя на заговорщический тон, словно нас кто-то мог подслушать, – не передавал ли тебе брат Лукан перед смертью небольшой кусочек пергамента?

– Какой кусочек? О чем ты говоришь? – Свежеиспеченный послушник старался держаться спокойно, однако в голосе его чувствовалась плохо скрытая настороженность, какая бывает у подростков, едва успевших спрятать порнографический журнал при разговоре с внезапно вошедшими родителями.

– О последнем предсказании Мерлина, разделенном по приказу Артура на дюжину частей и розданном им тем, кого он считал наиболее близкими себе.

– Тише! – одернул меня сэра Бэдивер, хотя слова мои и так были произнесены вполголоса. – Преосвященный Эмерик не желает здесь слышать имена магов, друидов и их приспешников. – Он подхватил меня под локоть и буквально потащил подальше от лесной молельни. – Откуда тебе-то известно о пророчестве?

Я молча вытащил из-под одежды ладанку сэра Кэя и достал из нее исписанный огамическим письмом клочок пергамента.

– А-а, – кивнул мой братец, – вот оно как. Прости, я не знал об этом. Впрочем, откуда? Значит, и ты тоже один из лордов Камелота.

– Лукан передал тебе свою часть? – Я вновь вернул Бэдивера к своему вопросу.

– Да, – со вздохом кивнул тот. – Умирая, он передал мне подобный пергамент.

– Он у тебя? – с тайным облегчением произнес я, начиная обдумывать, каким образом теперь заставить родственника передать свое достояние мне во временное пользование.

– О нет. – Бэдивер покачал головой. – Я выкинул его. Да и посуди сам, мог ли я хранить в этом святом месте пророчество Мерлина, который, невзирая на мое личное почтение к нему, маг, друид и безбожник.

– Несчастный! – возмутился я. – Что ты наделал! Ведомо ли тебе, что в этом предсказании заключена судьба королевского трона Британии? Как ты мог так безрассудно поступить?

– Судьба короля, как и судьба последнего свинопаса, ведома промыслом Божиим. Предсказания магов, даже столь могущественных, как тот, о ком мы говорим, ничего не способны изменить в естественном ходе вещей. Кому предначертано познать тяжесть венца, тот станет королем, пророчествуя о том кто-то или нет. Так учит Эмерик, у которого вчера с покаянием испросил я духовного наставления.

Строго говоря, и Эмерик, и вещавший ныне его словами Бэдивер были правы. Во всяком случае, у меня не было ни времени, ни охоты вступать в теософский спор, чтобы опровергнуть их тезисы. Но задание оставалось заданием, выполнить его я был обязан, а потому со вздохом оборвал речь благочестивого послушника, не давая развить фаталистическую теорию престолонаследия.

– Возможно, так оно и есть. Вероятнее всего, это так. Но, Бэдивер, брат мой, получив сей пергамент, я давал клятву, что в назначенный час прибуду в Камелот, чтобы выполнить волю короля. Уверен, и иные посвященные, став лордами, давали сию клятву. Без сомнения, невзирая на лишения и вражду, они придут в замок и соберутся у Круглого Стола, у которого до сих пор не остыли места, уготованные доблестным защитникам Божьего закона. Сэр Лукан, ты, я, Говейн, Гарет, Гахерис, Агровейн и иные принцы и рыцари Оркнейского дома – разве мало сделали мы, борясь со злом в этих землях? Разве достойны мы позора, коий падет на весь род, ежели один из первейших лордов Камелота запятнает имя свое клятвопреступлением? Или не взывает к тебе со скорбью душа старшего брата Лукана? Именно тебе доверившего сокровенные письма, дабы смог ты заменить его в числе избранных?.. – Я перевел дыхание, готовясь к очередному раунду в поединке благочестия и рыцарского долга. Однако белое полотенце было выкинуто на ринг прежде, чем очередной каскад обличений пал на голову Бэдивера.

– Я выбросил его вчера, возвращаясь от Эльфийского источника. Место там приметное, пожалуй, мы еще сможем найти его. Вероятно, ты прав. Увы, я не гожусь для того, чтобы выполнить последнюю волю брата. Но честь нашего рода не должна пострадать. Поскольку мое решение покинуть суетный мир твердо, то может считаться, что для него я уже умер, а

стало быть, имею полное право передать сие тяжкое наследие тому, кто его достоин. Пошли, я проведу тебя к тому месту, где я выбросил пергамент. Если Господу будет угодно, мы еще найдем его.

– *Лис!*

– *Капитан!* – Наша связь включилась одновременно, заставляя вздрогнуть от неожиданности. После короткой паузы я, как старший по званию, вновь вызвал напарника:

– *Так, Сережа, послушай меня. Часть прорицания действительно была у Лукана, и он действительно отдал его Бэдиверу...*

– *Ну, круто! Надеюсь, ты уже раскрутил дорогого кузена дать тебе его поносить на месячишко-другой?*

– *В общем-то да. Но тут есть одна загвоздка.*

– *Что еще за загвоздка?*

– *Понимаешь, дело в том, что Бэдивер выкинул свою часть.*

– *Не понял?! Как это так – выкинул?! Ему шо, в пылу схватки моргеништерном по чайнику загадали? Он теперь зовется Бэдивер Бескрышный? Он шо, не знает, на хрена вообще этот ребус нужен?*

– *Он все знает. Но, видишь ли, братец решил принять постриг, а рукопись Мерлина слишком языческая вещь, чтобы хранить ее на освященной земле.*

– *Ой, мама родная! Шо ж они тут все такие забобонные?! Что теперь полагаешь делать?*

– *Бэдивер вызвался показать мне место, где он выбросил пергамент. Сейчас отправляемся туда. Даст бог, повезет.*

– *Да уж. Дай-то бог нашему теляти волка съест. Ладно, с этим вроде ясно. А теперь, если не возражаешь, я тебе еще одну каклю покажу. Так сказать, чтоб уж совсем жизнь медам не казалась,* – предупредительно сообщил он, и, лишь смолкли в моей голове слова напарника, перед внутренним взором вырисовалась картина, созерцаемая моим другом через чуть раздвинутые заросли камыша.

По узкой тропе, очевидно, появляющейся в болоте лишь в разгар засушливого лета, не спеша, проверяя грязь перед собой длинным шестом, двигался вперед человек в кольчуге качественного плетения, опоясанный мечом, насколько я мог видеть, весьма дорогим. Судя по всему – рыцарь, но без гербовой котты.

– *Ну, как тебе нравится этот неопознанный летательный объект?*

– *Дьявольщина!* – невольно выругался я. – *Это же тот самый, что ограбил сэра Ивейна!*

– *И, вероятно, грохнул мародера, подчистившего сэра Эктора. Ну ничего.* – В голосе моего напарника зазвучали плотоядные нотки. – *Сейчас мы с ним познакомимся поближе.*

Я увидел, как ложится на тетиву стрела, как изгибается лук, и, дзи-инь, стрела, выпущенная Лисом, пришла аккурат в бедро нашего преследователя. Пришла... и отлетела в сторону, рикошета от кольчуги.

– *Блин, это еще что такое?!* – возмутился Лис, и вслед за первой вестницей смерти последовала вторая в плечо. Но и она разделила судьбу сестрицы. – *Не понял юмора?!* – Рейнар был ошарашен. – *Когда такое было, чтоб мои стрелы не брали здешние кольчуги?! Ну-ка, дай-ка я еще разок проверю!*

Между тем незнакомец, явно не обрадованный столь скорострельным приемом, не желая испытывать судьбу, быстро повернулся и, хромя на подстреленную Лисом ногу, оскальзываясь в хлюпающей жиже, сноровисто потрусил к густому кустарнику, нависшему по краю болота. Дзинь-дзинь, еще две стрелы пришли ему в спину, бросая вперед и едва не сбивая с ног. Однако он устоял и вскоре исчез за непроницаемым пологом густой зелени.

– *Вот это да! Слушай, Капитан, прогнило что-то в здешнем королевстве. Шо ты скажешь за этого броненосца?*

– Не хочу тебя огорчать, – передал я, осознавая увиденное, – но это очень похоже на колдовство. Причем весьма серьезной пробы. Возможно, это люди феи Морганы, во всяком случае, я не представляю, кто еще здесь мог бы ходить в таком доспехе. Я полагаю, что они также охотятся за пророчеством. Как-никак, Мордред – главный кандидат на освобождающийся престол. Вероятно, Моргана заинтересована в том, чтобы встреча через месяц в Камелоте не состоялась. А может, здесь и что-то другое, кто ее знает? Очевидно, наш гость направлялся сюда с той же целью, что и мы. Ведь Моргана виделась с Луканом и Бэдивером. Наверняка она как-то почувствовала, что Лукан является лордом Камелота, и подслала убийцу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.